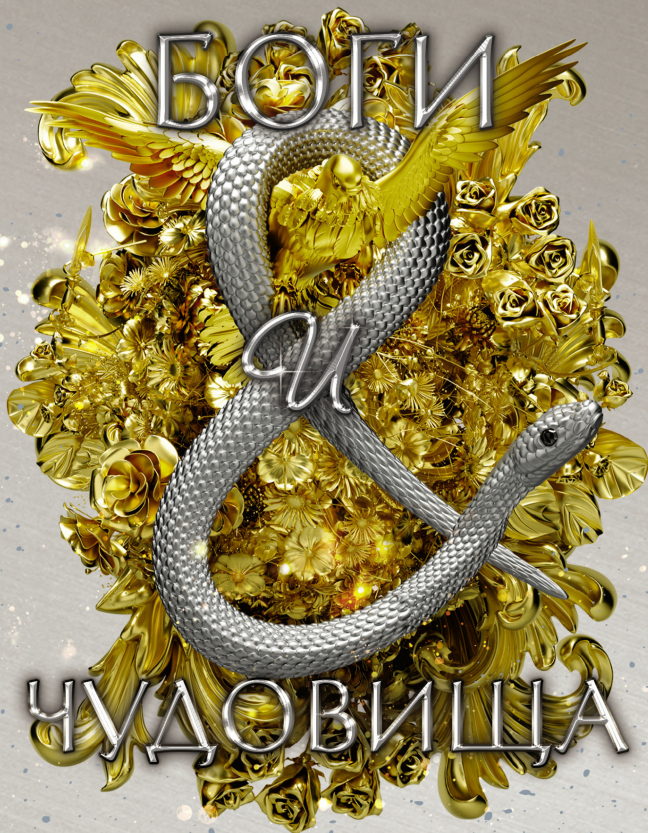

ЛЮБОВЬ,
КОТОРАЯ БУДЕТ ГОРЕТЬ ВЕЧНО

18+

ШЕЛБИ МАХЁРИН

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ТРИЛОГИИ-БЕСТСЕЛЛЕРА
«ЗМЕЙ И ГОЛУБКА»

Шелби Махёрин
Боги и чудовища
Серия «Mainstream. Фэнтези»
Серия «Змей и голубка», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69291793

Боги и чудовища: АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-149359-2

Аннотация

Ведьма Луиза ле Блан всю свою жизнь провела в бегах. Теперь, после сокрушительного удара врага, пришло время вернуться домой и потребовать то, что принадлежит ей по праву.

Но это уже не та Лу, которую знали ее друзья. Уже не та Лу, что покорила сердце холодного шассера. Не та Лу, что любила булочки в кондитерской у Пана, пела задорные песни и радовалась каждому веселому событию.

Над ней сгустилась тьма, и на этот раз одной только любви Рида будет мало, чтобы изгнать ее.

КОНЕЦ СВЕТА НАСТАЛ, И ОЗНАМЕНОВАЛ ЕГО НЕ КРИК...

Содержание

Часть I	5
Мышиная нора	5
L'Enchanteresse	8
Тьма моя	22
Пламя Коко	24
La Petite Larme	35
Коварное присутствие	52
Игра в вопросы	55
Имя мне – Легион	65
Маяк	74
Кошмар	91
Нет розы без шипов	109
Часть II	129
Смерть на берегу	129
Воронья туча	135
Дракон и его дева	141
Молитва	153
Еще одна могила	161
Простая услуга	176
Конец ознакомительного фрагмента.	186

Шелби Махёрин

Боги и чудовища

*Посвящается Джордан, которая мне не столько
подруга, сколько сестра*

SHELBY MAHURIN
GODS&MONSTERS

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books, a division of HarperCollins Publishers и литературного агентства «Синописис»

Copyright © 2021 by Shelby Mahurin

Jacket art © 2021 by Katt Phatt Jacket design by Sarah Nichole Kaufman

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Н. Морозова, перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть I

Quand le chat n'est pas là, les souris dansent.

Кот из дома – мыши в пляс.

Французская пословица

Мышиная нора

Николина

*Восковница, очанка, белладонна,
Гадючий клык и с ним – совиный глаз,
Толика плоти и растений благовонных*

Добру послужит или силы злу придаст.

*Сольется кровь врагов ручьем единым,
Когда души коснется мрак ночной,
И устремятся духи их незримо
Навстречь друг другу, скованные тьмой¹.*

Знакомое заклинание, о да, очень знакомое. Наше любимое. Она часто позволяет нам читать его. Гримуар. Страницу. Заклинание. Наши пальцы скользят по каждому росчерку пера, каждой выцветшей букве, и в них чувствуется покалывание. Заклинание обещает, что мы никогда не будем одиноки, и мы верим ему. Мы верим *ей*. Ведь мы не одиноки – и никогда не бываем одиноки: мышки живут в норе с другими мышками, со *множеством* других мышек. Они ютятся вместе, чтобы вырастить своих мышат, своих детишек, найти теплые и укромные местечки, полные пищи и магии. Они находят норки без болезней и смерти.

Наши пальцы сминают пергамент, оставляя свежие заломы.

Смерть. Смерть, смерть, *смерть*, наш друг и враг, непременно придет за нами всеми.

Но не за мной.

«Мертвецы не должны вспоминать о былом, страшитесь того, что им снится...»

¹ Здесь и далее стихотворные переводы Марии Шмидт.

Мы яростно рвем бумагу на кусочки. Мелкие-мелкие. Они рассеиваются, словно пепел на снегу. Словно воспоминания.

Мышки ютятся вместе, да – они согревают и берегут друг друга, – но если какой-нибудь мышонок заболит, его съедят. О да. Его проглотят и сожрут, сожрут, чтобы прокормить мать, нору. Последыш всегда болен. Всегда мал. Мы съедем больную мышку, и она накормит нас.

Она накормит нас.

Мы устроим охоту на ее друзей, на ее *друзей*. Из горла вырывается рычание. Это просто слово, пустое обещание... Мы будем кормить их, пока они не располнеют от горя и вины, от отчаяния и страха. Куда бы мы ни пошли, они последуют за нами. Тогда мы сожрем и их. И когда мы приведем больную мышку к ее матери в Шато ле Блан... когда ее тело увянет, когда она *истечет кровью*... ее душа останется с нами навсегда.

Она накормит нас.

Мы никогда не будем одиноки.

L'Enchanteresse

Рид

Над кладбищем стелился туман. Надгробия – древние, полуразваленные, с давно стертыми стихией надписями – пронзали небо у края утеса, где мы стояли. Море внизу было необычайно тихим. В этом жутком предрассветном свечении я наконец понял смысл выражения «могильная тишина».

Коко устало потерла глаза и указала на церквушку, проглядывавшую сквозь туман. Маленькая. Деревянная. Крыша местами обвалилась. Свет в окнах не горел.

– Кажется, она заброшена.

– А если нет? – фыркнул Бо и покачал головой, но все же остановился и, зевая, добавил: – Это же *церковь*, а наши лица расклеены по всей Бельтерре. Даже деревенский священник узнает нас.

– Ладно. – Голос изможденной Коко прозвучал не так язвительно, как, возможно, она того хотела. – Спи тогда с собакой на улице.

Мы разом обернулись и посмотрели на призрачного белого пса, следовавшего за нами по пятам. Он появился у Цезарина, когда мы решили отправиться в путь по побережью, а не обычной дорогой. Мы уже были сыты по горло Ля-Форе-де-Ю. Многие дни пес следовал за нами, но близко никогда не подходил. Настороженные, растерянные матаготы исчезли вскоре после его появления. Они так и не вернулись. Возможно, пес и сам был беспокойным духом – новым видом матагота. А может, просто дурным предзнаменованием. Вероятно, поэтому Лу до сих пор не дала ему имени.

Существо смотрело на нас, и взгляд его был почти что осязаем. Я крепче сжал руку Лу.

– Мы всю ночь на ногах. Никто не станет искать нас в церкви. Там можно спрятаться, как и в любом другом месте. А если церковь не заброшена, – перебил я Бо, который начал возражать, – мы уйдем прежде, чем нас заметят. Согласны?

Взглянув на Бо, Лу ухмыльнулась. Так широко, что я мог бы пересчитать все ее зубы.

– *Боишься?*

Бо кинул на нее подозрительный взгляд.

– После туннелей тебе бы тоже стоило.

Ее ухмылка исчезла. Коко заметно насторожилась и отвела взгляд. Я и сам невольно выпрямился, чувствуя напря-

жение. Лу ничего больше не сказала. Она просто отпустила мою руку и подошла к двери. Повернула ручку.

– Не заперто.

Мы с Коко молча последовали за ней в церковь. Бо зашел внутрь секундой позже, встревоженно оглядывая темное помещение. Толстый слой пыли покрывал канделябр.

На деревянном полу виднелись пятна затвердевшего воска, валялись сухие листья и мусор. Из алтарной подул сквозняк. Он пах соленой водой. Тленом.

– Да здесь же до хрена призраков, – прошептал Бо.

– За языком следи, – хмуро бросил я, входя в алтарную. У меня все сжалось в груди, когда я увидел обветшалые скамьи. Вывороченные страницы из псалтыря, гниющие в углу. – Когда-то это было священное место.

– Здесь нет призраков.

Голос Лу эхом разнесся в тишине. Она стояла позади меня и внимательно смотрела на витражное окно. В ответ на нее глядело гладкое лицо святой Магдалены. Самая молодая святая в Бельтерре, Магдалена почиталась Церковью за то, что подарила мужчине благословленное кольцо. После чего этого мужчину вновь полюбила нерадивая жена, да так ярко, что ни за что не желала покидать его. Даже когда он отправился в опасное морское путешествие, она последовала за ним и утонула. Но слезы Магдалены воскресили ее.

– Духи не могут населять священную землю.

Бо слегка нахмурился.

– Как ты можешь это знать?

– А как ты можешь этого не знать? – парировала она.

– Нам нужно отдохнуть, – сказал я, обнял Лу за плечи и проводил ее к ближайшей скамье. Она выглядела еще бледнее обычного, темные круги залегли под глазами, волосы растрепались после долгого и утомительного путешествия. Несколько раз – когда она думала, что я не смотрю, – я замечал, как она содрогалась всем телом, словно боролась с каким-то недугом. Я не удивился. Она через многое прошла. Как и все мы. – Местные скоро проснутся. И придут на любой шум.

Коко устроилась на скамье, закрыла глаза и натянула на лицо капюшон плаща, закрываясь от нас.

– Кто-то должен остаться в дозоре.

Я уже открыл рот, чтобы вызваться добровольцем, как меня опередила Лу:

– Я останусь.

– Нет. – Я покачал головой, силясь вспомнить, когда Лу спала в последний раз. Она прижалась ко мне, и ее кожа оказалась холодной и липкой. Если Лу и правда боролась с каким-то недугом, ей нужно было отдохнуть. – Поспи. Я за всем присмотрю.

Из горла Лу вырвался какой-то звук, когда она прижала ладонь к моей щеке. Большим пальцем провела по губам, слегка задержавшись на них. Взглядом тоже.

– Я бы лучше присмотрела за тобой. Что я увижу в твоих

снах, шасс? Что я услышу в твоих...

– Посмотрю, нет ли еды на кухне, – пробормотал Бо, протискиваясь мимо нас.

Он бросил на Лу взгляд, полный отвращения. Глядя ему вслед, я почувствовал, как заурчал желудок. С трудом сглотив, я решил не замечать боль от голода. В груди вдруг все сжалось. Я нежно отнял руку Лу от своей щеки, снял пальто и протянул его ей.

– Иди поспи, Лу. Я разбужу тебя на рассвете, и мы... – Слова обжигали горло. – ...И мы двинемся дальше.

В Шато.

К Моргане.

На верную смерть.

Я снова промолчал о своих опасениях.

Лу ясно дала понять, что отправится в Шато ле Блан, и неважно, пойдем мы с ней или нет. И хотя я возражал... хотя напоминал ей, *зачем* мы вообще искали союзников, *зачем* они были нам нужны... Лу твердила, что может в одиночку одолеть Моргану. «Ты слышал Клода». Твердила, что больше не станет колебаться. «Она не может навредить мне». Твердила, что сожжет замок дотла и всех своих сородичей заодно. «Отстроим заново».

– Что именно? – с опаской спросил я тогда.

– Все.

Никогда не видел, чтобы Лу к чему-то шла так целеустремленно. Нет, скорее одержимо. Бывали дни, когда ее

глаза сверкали свирепым огнем, какой-то дикой жаждой, а порой они оставались совершенно тусклыми. И такие дни были куда хуже. Она смотрела безжизненным взглядом, не замечая меня и моих слабых попыток утешить ее.

Лишь один человек мог ее утешить.

Но его больше не было на свете.

Лу притянула меня к себе, рассеянно поглаживая мою шею. От ее холодного прикосновения по спине у меня побежали мурашки. Мне тут же захотелось отстраниться, но я подавил это желание.

Тишина окутала церковь, тяжелая и гнетущая. Лишь мой желудок урчал. Голод стал мне постоянным спутником. Не помню, когда я последний раз ел досыта. С «Трупной Фортуны»? В Яме? В Башне? Коко лежала на противоположной скамье. Ее дыхание постепенно выравнилось. Я сосредоточился на звуке, на потолочных балках, чтобы не думать о ледяной коже Лу или о рези в желудке.

Мгновение спустя из кухни раздался крик, и дверь распахнулась. Бо рванулся вперед, пролетев мимо алтаря.

– «Тарабарщина»! – Он отчаянно замахал на дверь, и я вскочил на ноги. – Бежим! Сейчас же, *сейчас же!* Давайте...

– А ну, стой!

В зал, размахивая деревянной ложкой, вбежал скрюченный мужчина в облачении священника. С ложки стекало желтоватое рагу. словно Бо прервал его утреннюю трапезу. Кусочки овощей, застрявшие в бороде – седой, неухоженной,

скрывающей пол-лица, – подтвердили мои подозрения.

– А ну, *вернись...*

Увидев нас, священник резко умолк и замер. Я непроизвольно отвернулся, чтобы скрыть лицо в тени. Лу натянула капюшон на белые волосы, а Коко встала, готовая бежать.

Поздно. Глаза священника сверкнули – он узнал нас.

– Рид Дигтори. – Мрачным взглядом он окинул меня с головы до пят, а потом посмотрел мне за спину. – Луиза ле Блан.

Бо не сдержался и кашлянул в проходе. Священник бросил на него короткий взгляд, фыркнул и покачал головой.

– Да, юноша, я знаю, кто ты. И кто *ты*, – сказал он, глядя на Коко, чье лицо скрывали капюшон и темнота.

Верный своему слову, Жан-Люк добавил портрет Коко о розыске к нашим.

Священник сощурился, заметив, что Коко достала кинжал.

– Убери его, пока не порезалась.

– Мы просим прощения, что вторглись в вашу церковь. – Я умоляюще поднял руки и кинул на Коко предостерегающий взгляд. Медленно вышел в проход, осторожно двигаясь к дверям. Лу следовала за мной по пятам. – Мы не причиним никому вреда.

Священник фыркнул, но ложку опустил.

– Вы вломились в мой дом.

– Это церковь, – вяло произнесла Коко и уронила руку,

словно не могла больше выдержать веса кинжала. — А не личное жилье. И дверь была не заперта.

— Может, ты сам ее не запер, чтобы нас сюда заманить, — неожиданно радостно предположила Лу. Наклонив голову, она внимательно и восхищенно смотрела на священника. — Как паук заманивает добычу в свою паутину.

От такой резкой смены разговора священник нахмурился, да и я тоже.

— Что? — В голосе Бо отразилась наша растерянность.

— В темных глубинах леса, — пояснила Лу, вскинув бровь, — обитает паучиха, которая охотится на других пауков. Мы называем ее L'Enchanteresse. Чаровница. Да, Коко?

Коко ничего не ответила, но Лу невозмутимо продолжила:

— Чаровница заползает на паутины своих врагов, дергает их шелковые нити, обманывает, будто бы попалась в их путы. А когда пауки приползают съесть жертву, она нападает на них и медленно отравляет своим редчайшим ядом. Долгие дни она наслаждается добычей. Воистину она из немногих существ, которые испытывают наслаждение, причиняя боль.

Все уставились на нее. Даже Коко.

— Жутковато, — наконец сказал Бо.

— Умно.

— Нет, — поморщился он. Его лицо скривилось. — Это *каннибализм*.

— Нам нужно было где-то укрыться, — прервал я их, но слишком громко. Слишком отчаянно.

Священник, который хмуро и растерянно наблюдал за их препирательством, посмотрел на меня.

– Мы не знали, что в церкви кто-то есть. Мы сейчас же уйдем.

Он молча оглядывал нас, слегка изогнув губы. В ответ передо мной вспыхнуло золото – выискивая, изучая, защищая. Но я не отозвался на его безмолвный вопрос. Магия мне здесь не понадобится. У священника в руках лишь ложка. Даже размахивая он мечом, по его лицу видно, что он уже стар. Сморщен. Несмотря на высокий рост, время иссушило его мускулы, оставив лишь тощего старика. Мы могли бы легко сбежать от него. Я схватил Лу за руку, готовясь к побегу. Затем бросил взгляд на Коко и Бо. Они понимающе кивнули.

Нахмурившись, священник вскинул ложку, словно хотел остановить нас, но тут новая волна голода скрутила мой желудок. Урчание прокатилось по церкви подобно землетрясению. Такое было сложно не услышать. Прищурившись, старик оторвал взгляд от меня и молча посмотрел на святую Магдалену. Спустя секунду он нехотя спросил:

– Когда вы в последний раз ели?

Я молчал. Жар обжег мне щеки.

– Мы сейчас же уйдем, – повторил я.

Старик посмотрел мне прямо в глаза.

– Я спрашивал о другом.

– Несколько... дней назад.

– А именно?

– Четыре, – ответил Бо за меня.

Еще одно могучее урчание моего желудка нарушило молчание. Священник покачал головой. Он выглядел так, будто предпочел бы проглотить ложку, но все же спросил:

– А... когда вы в последний раз спали?

И снова Бо ответил, видимо, не в силах промолчать.

– Пару дней назад подремали в рыбацкой лодке, но один из лодочников увидел нас перед рассветом. Болван, попытался поймать нас в сеть.

Священник метнул взгляд на дверь церкви.

– Он, случайно, не пошел за вами сюда?

– Я же сказал, он болван. Рид сам его поймал.

Священник снова посмотрел мне в глаза.

– Вы не навредили ему.

Это был не вопрос, и отвечать я не стал. Просто крепче сжал руку Лу, приготовившись бежать. Этот старик... этот *праведник*... скоро забудет тревогу. Нам нужно уйти на много миль отсюда прежде, чем объявится Жан-Люк.

Лу, похоже, не разделяла моих опасений.

– Как тебя зовут, церковник? – с любопытством спросила она.

– Ашиль. – Он снова нахмурился. – Ашиль Альтье.

Имя показалось мне знакомым, но я не смог его вспомнить. Возможно, он бывал когда-то в соборе Сан-Сесиль де Цезарин. Может быть, я тогда еще служил шассером. Я по-

смотрел на него с подозрением.

– Почему вы не позвали охотников, отец Ашиль?

Священнику явно стало не по себе. Плечи его напряглись, и он уставился на свою ложку.

– Вам нужно поесть, – угрюмо сказал он. – У меня осталось рагу. Хватит на всех.

Бо не колебался.

– Какое рагу?

Я бросил на него взгляд через плечо, но Бо лишь пожал плечами.

– Он мог бы перебудить всю деревню, еще когда увидел нас...

– Он все еще может это сделать, – мрачно сказал я.

– ...и мой желудок вот-вот себя съест, – закончил Бо. – Как и твой, судя по звукам. Нам нужно подкрепиться. – Он принялся и спросил отца Ашиля: – А в рагу есть картошка? Я к ней равнодушен. Она такая приятная.

Священник прищурился и махнул ложкой в сторону кухни.

– Прочь с глаз моих, юноша, пока я не передумал.

Бо понуро свесил голову и проскользнул мимо нас. Мы же с Лу и Коко не сдвинулись с места. Затем обменялись настороженными взглядами. После долгой минуты отец Ашиль тяжело вздохнул.

– Можете поспать здесь. Но только один день, – раздраженно добавил он. – Главное, не беспокойте меня.

– Сегодня воскресное утро. – Коко наконец сняла капюшон. Ее губы потрескались, лицо побледнело. – Разве жители деревни не придут скоро на службу?

Священник фыркнул.

– Я уже много лет не провожу службу.

Отшельник. Ну конечно. Теперь понятно, почему часовня в таком плачевном состоянии. Раньше я бы отнесся к старику с презрением за то, что он не состоялся как священнослужитель. Как человек. Я бы отчитал его за то, что он отрекся от своего призвания. От Бога.

Как же все изменилось.

Бо появился с глиняной миской и небрежно прислонился к дверному проему. Вокруг его лица клубился пар от рагу. Когда у меня снова заурчало в животе, он ухмыльнулся.

– Почему вы помогаете нам, отец Ашиль? – спросил я сквозь зубы.

Священник неохотно скользнул взглядом по моему бледному лицу, жуткому шраму Лу, вялой Коко. По нашим запавшим глазам и впалым щекам. Он отвел взгляд и уставился в пустоту за моим плечом.

– Какая разница? Вам нужна еда. У меня она есть. Вам нужно где-то поспать. У меня есть пустые скамьи.

– Многие священнослужители не стали бы привечать нас.

– Многие священнослужители не стали бы привечать даже собственную мать, будь она грешницей.

– Нет. Но они сожгли бы ее, будь она ведьмой.

– Ты этого ищешь, юноша? – язвительно спросил священник, вскинув бровь. – Костра? Хочешь, чтобы я отмерил тебе божью кару?

– Сдается мне, – протянул Бо у порога, – он просто намекает на то, что вы и есть священнослужитель... если только вы сами не из грешников. Вас не жалуют среди своих, отец Ашиль? – Он многозначительно оглядел полуразрушенную часовню. – Терпеть не могу спешить с выводами, но думаю, наши любимые патриархи наверняка послали бы кого-нибудь починить эту конуру.

Ашиль помрачнел.

– Следи за языком.

Прежде чем Бо еще больше подлил бы масла в огонь, я оборвал его, широко раскинув руки. В недоумении. В растерянности. Во... всем. От неожиданной доброты этого человека у меня сдавило в горле. В его поступке не было никакого смысла. Мне не верилось, что все это взаправду. Даже кошмарная история о паучихе, заманивающей нас в свои сети, казалась более реальной, чем священник, предлагающий нам кров.

– Вы же знаете, кто мы. Знаете, что мы сделали. И понимаете, что с вами будет, если кто-нибудь узнает, что вы укрывали нас.

Священник долго изучал меня с непроницаемым лицом.

– Тогда пусть об этом никто не узнает. – Громко хмыкнув, он потопал к кухне. У двери он, однако, остановился,

посмотрел на миску в руках Бо и выхватил ее, не обращая внимания на его возражения, а потом сунул мне. – Вы просто дети, – пробормотал он, не глядя мне в глаза.

Я обхватил руками миску – желудок болезненно сжался, – и отец Ашиль выпустил ее. Расправил облачение. Потершею. Кивнул на рагу.

– Ешьте, пока не остыло.

А затем развернулся и поспешно вышел из часовни.

Тьма моя

Лу

Тьма.

Она окутывает все вокруг. Обволакивает меня, стискивает, сдавливает грудь, горло, язык, пока не становится *мною*. Пойманная в самом ее сердце, тонущая в ее глубинах, я сжимаюсь, пока не перестаю существовать. Я тьма. Это тьма, моя.

Больно.

Я не должна чувствовать боли. Ничего не должна чувствовать. Я не сотворена и не создана, я лишь пылинка в Мироздании. Без формы. Без жизни, без легких, без рук и ног, которыми можно пошевелить. Я не вижу, не дышу, и все же тьма... ослепляет. Давление удушает, сковывает, нарастая с каждой секундой, пока не разрывает меня на части. Но я не могу кричать. Не могу думать. Я могу лишь слушать – нет,

чувствовать – голос, доносящийся из тени. Прекрасный, пугающий голос. Он вьется вокруг меня, *сквозь* меня и сладко шепчет, обещая забвение. Обещая покой.

«Сдавайся, – напевает он, – и забудь. Боль уйдет».

На мгновение или тысячу мгновений я колеблюсь, раздумывая. Мне кажется, что сдаться и забыть лучше, чем сопротивляться и помнить. Я слаба, мне не нравится боль. Голос так прекрасен, так соблазнителен, так силен, что я почти позволяю ему поглотить меня. И все же... нет. Если поддамся, потеряю что-то важное. *Кого-то* важного. Не могу вспомнить кого.

Не могу вспомнить, кто я такая.

«Ты тьма».

Тени надвигаются ближе, и я сжимаюсь еще сильнее. Песчинка перед бесконечными черными волнами.

«Эта тьма твоя».

И все же я не поддаюсь.

Пламя Коко

Рид

Коко сидела рядом со мной, прислонившись к надгробию. Над нами возвышалась обветшалая от непогоды статуя святой Магдалены, ее бронзовое лицо было скрыто в тени серых сумерек.

Коко уже долгое время сидела, закрыв глаза, но не спала и ничего не говорила. Просто терла большим пальцем шрам на ладони, терла и терла, пока кожа у нее не покраснела. Кажется, она даже не замечала этого. Кажется, она вообще ничего не замечала.

Она пошла за мной на кладбище после того, как Лу перерыла всю кухню в поисках красного мяса, недовольная рыббой, которую отец Ашиль приготовил на ужин. Лу набросилась на говядину, хотя та была полусырая. Вроде бы ничего удивительного, мы ведь несколько дней голодали. Завтрак из

рагу и обед из черствого хлеба с сыром не утолили наш голод. И все же...

Внутри у меня почему-то все сжалось.

– Она беременна? – спросила Коко после долгого молчания. Затем открыла глаза и, повернувшись, посмотрела на меня. Голос ее звучал равнодушно. – Скажи, что вы были осторожны. Скажи, что у нас не прибавится забот.

– У нее шла кровь две недели назад, а с тех пор мы не... – Я кашлянул.

Коко кивнула и снова вскинула подбородок. Тяжело вздохнув, она закрыла глаза.

– Хорошо.

Я уставился на Коко. Хотя со дня Маскарада Черепов она не плакала, глаза у нее были все время опухшие. На щеках остались следы сурьмы. И слез.

– Ты... – Слова застряли у меня в горле. Откашлявшись, я сказал: – Там есть ванна, если тебе нужно помыться.

В ответ Коко рукой сжала большой палец, словно все еще чувствовала кровь Ансея на своих ладонях. Она отмыла их в ту ночь в Долёре. Сожгла одежду в трактире «Левиафан», где все пошло наперекосяк.

– Как же я устала, – наконец произнесла она.

Знакомое чувство горечи обожгло мне горло. Чересчур знакомое.

– Если тебе нужно выговориться...

Коко не открыла глаза.

– Мы с тобой не друзья.

– Еще как друзья.

Коко не отозвалась, и я отвернулся, стараясь не хмуриться. Ладно. Она не хотела разговаривать об этом. Я тоже не горел желанием. Скрестив руки на груди, я приготовился к долгой безмолвной ночи, но тут перед глазами всплыл яростный взгляд Ансея. Его яростная уверенность.

«Лу мой друг», – однажды сказал он мне.

Ансель был готов пойти за ней в Шато ле Блан еще раньше меня. Хранил ее тайны. Взял на себя ее ношу.

Чувство вины пронзило меня. Острое и резкое.

Нравится это Коко или нет, но мы с ней все же были друзьями.

Чувствуя себя дураком, я с трудом заговорил:

– Я просто хочу сказать, что пережить смерть Архиепископа мне помог разговор об этом. О *нем*. Так что... – Я напряженно пожал плечами. Шея у меня горела. В глазах защипало. – Если тебе нужно... поговорить об этом... можешь поговорить со мной.

Вот теперь-то Коко открыла глаза.

– Архиепископ был больной на голову тварью, Рид. Сравнить его с Анселем просто мерзко.

– Да, но... – Я выразительно на нее посмотрел. – Сердцу не прикажешь, кого любить, а кого нет.

Коко поспешно опустила взгляд. К моему стыду, губы у нее задрожали.

– Сама знаю.

– Правда?

– Конечно, правда, – ответила Коко, и в ее голосе послышалась нотка прежней колкости. В глазах вспыхнул огонек. – Я знаю, что моей вины здесь нет. Ансель любил меня, и... хотя я не любила его так же, это не значит, что я любила его меньше. Уж точно я любила его больше *тебя*. – Хотя она говорила уверенно, на последнем слове ее голос дрогнул. – Так что возьми свои советы, снисхождение и *жалость* и засунь их себе в задницу.

Я не стал возражать, не желая ссориться. Пускай ругается. Я это выдержу.

Коко поднялась на ноги и ткнула в меня пальцем.

– Я не буду просто сидеть и слушать, как ты тут *осуждаешь* меня за то... за то... – Ее грудь вздымалась от прерывистого дыхания. По щеке скатилась одинокая слеза. Когда она упала на снег и зашипела, Коко обмякла. – За то, что я не в силах изменить, – договорила она так тихо, что я едва расслышал.

Медленно и неуклюже я поднялся и встал рядом с ней.

– Я не осуждаю тебя, Коко. И не жалею. – Она фыркнула, и я покачал головой. – Правда. Ансель был и моим другом. Ты не виновата в его смерти.

– Той ночью умер не только Ансель.

Мы посмотрели на тонкую струйку дыма, вздымавшуюся от ее слезы. Потом на небо.

Тяжелый дым, темный и зловещий, скрывал заходящее солнце. Но здесь его быть не должно. Мы уже много дней провели в дороге. Небо здесь, вдали от Цезарина – где дым поднимался от туннелей, собора, подземелий, замка, кладбищ, трактиров и переулков, – должно быть чистым. Но пламя, полыхавшее под столицей, не было обычным. Оно было черным, неестественным и неугасаемым, словно зародилось в недрах самого Ада.

Огонь Коко.

Огонь, дым которого сумел окутать все королевство.

Он горел жарче обычного пламени, пожирая туннели и несчастные души, запертые в них. Хуже того, по словам того рыбака, что пытался нас поймать и чей *брат* оказался посвящен в шассеры, никто не мог потушить этот огонь. Король Огюст сдерживал его, только расставив шассеров у каждого входа. Их балисарды не давали скверне распространиться.

Видимо, Ля-Буазен не солгала. Прежде чем она успела сбежать в лес вместе с выжившими Алыми дамами, я оттащил ее в сторону в «Левиафане», и она предупредила меня: «Огонь живет вместе с ее горем. Пока Коко скорбит, будет полыхать и ее пламя».

Тулуз, Тьерри, Лиана и Терранс оказались в ловушке в туннелях.

– И все равно ты не виновата, Коко.

Ее лицо исказилось, когда она посмотрела на статую святой Магдалены.

– Мои слезы разожгли огонь. – Она тяжело села, прижала колени к груди и обхватила их. – Все погибли из-за меня.

– Погибли не все.

Я тут же подумал о мадам Лабелль. О ее путях из болиголова, сырой темнице. О жестких пальцах короля на ее подбородке, губах. Кровь закипела от ярости. И хотя я почувствовал к себе отвращение, на душе у меня немного полегчало. Из-за пламени Коко у короля Огюста, моего *отца*, появились дела поважнее моей матери.

Словно прочитав мои мысли, Коко сказала:

– До поры до времени.

Черт.

– Надо возвращаться, – мрачно сказал я.

Ветер усиливался. Я представил себе запах обугленных тел, лежащих в дыму, запах крови Анселя, растекшейся по земле. Даже с помощью Алых дам и лу-гару – даже с помощью *Водвосо* – мы все равно проиграли. В который раз я подумал о том, как глуп наш замысел. Если мы в одиночку зайвемся в Шато, Моргана просто перебьет нас всех.

– Лу меня не послушает, но, может, прислушается к *тебе*. Деверо и Блез остались, чтобы найти остальных. Мы можем помочь им, а потом...

– Они никого не найдут, Рид. Я же сказала тебе: все, кто остались в этих туннелях, погибли.

– Туннели ведь уже менялись, передвигались, – повторил я в десятый раз, ломая голову в поисках чего-то – чего угод-

но, — что я мог упустить в наших прошлых спорах. Убеди я Коко, та бы уговорила Лу. Я был уверен в этом. — Может, так вышло и снова. Может быть, Тулуз и Тьерри где-нибудь в безопасном проходе, живы и здоровы.

— А может быть, Лиана и Терранс в полнолуние превращаются в кошек. — Коко даже не подняла головы. Ее голос снова звучал пугающе равнодушно. — Забудь, Рид. Лу права. Пора уже кончать со всем. Ее план не хуже любого другого. Даже лучше. Мы хотя бы движемся вперед.

— Тогда какой *смысл* был собирать союзников? — Я изо всех сил старался не показать досады. — В одиночку мы не убьем Моргану.

— Как и вместе с союзниками.

— Найдем больше! Вернемся в Цезарин. Вместе с Деверо продумаем план...

— Чего *именно* ты ждешь от него? Каких таинственных союзников ты надеешься найти? Может, Клод просто... вырастит их на деревьях? — Взгляд Коко посуровел. — Он не смог спасти Ансея на Маскараде Черепов. Он не смог спасти даже *собственную* семью, а значит, и нам он не в силах помочь. Клод не может убить Моргану. Посмотри правде в глаза, Рид. Таков наш дальнейший путь. Мы не можем бегать по Цезарину в поисках призраков.

Я разжал зубы. К горлу подступил жар. Я не знал, что делать.

— Моя мать не призрак.

– Твоя мать может сама о себе позаботиться.

– Ее *жизнь*...

– ...полностью зависит от того, насколько искусно она умеет лгать. – Бо небрежной походкой шел к нам из кухни, лениво указывая пальцем в задымленное небо. – Наш отец отчаянно захочет потушить этот пожар, пусть даже ему придется заручиться помощью ведьмы. Пока тучи в буквальном смысле сгущаются над нами, твоя мать в безопасности. И простите, что подслушал, – добавил он. – Хотел узнать, заметил ли кто-нибудь из вас мою новую бороду. – Он помолчал. – Кстати, Лу не моргает уже полчаса.

– Что? – нахмурился я.

– Она не моргает, – повторил Бо, опускаясь на землю рядом с Коко. Он положил руку ей на затылок и начал нежно массировать его. – Ни разу. Полчаса она молча пялилась на витраж. Как-то жутковато. Она даже священника отпугнула. В животе кольнуло от тревоги.

– Ты следишь за тем, как часто она моргает?

– А ты нет? – Бо изумленно приподнял бровь. – Она ведь твоя жена... или подруга, любовница, уж не знаю, на чем вы там условились. С ней явно что-то не так, братец.

Ветер крепчал. У церкви снова показался белый пес. Бледный и призрачный. Молчаливый. Он пристально смотрел на нас. Я старался не обращать на него внимания, сосредоточиться на брате и его глупых наблюдениях.

– И у тебя нет бороды, – раздраженно сказал я, указы-

вая на его голый подбородок, – раз уж мы говорим об очевидном. – Я взглянул на Коко, которая по-прежнему сидела, уткнувшись лицом в колени. – Каждый скорбит по-своему.

– Говорю тебе, это уже *за гранью* скорби.

– Что ты хочешь этим сказать? – Я посмотрел на него. – Мы знаем, что она немного... изменилась. Но она все еще наша Лу.

Я невольно бросил взгляд на пса. Он стоял совершенно неподвижно и пристально смотрел на меня. Даже ветер не трепал его шерсть. Встав, я поднял руку и тихо свистнул.

– Ко мне, малыш. – Я подошел к нему поближе. Еще ближе. Пес не шевелился. – Лу назвала его как-нибудь? – спросил я Коко и Бо.

– Нет, – многозначительно ответил Бо. – Она вообще его не замечает, если уж на то пошло.

– Перестань уже говорить об этом.

– А ты перестань уходить от темы.

– Бороды у тебя так и нет.

Бо дотронулся до подбородка.

– А у *тебя* так и нет...

Бо резко замолчал. Все случилось одновременно. Внезапно поднялся ветер, собака развернулась и скрылась в деревьях. Тревожное «Осторожно!» пронзило воздух – голос знакомый, *чересчур* знакомый и совершенно неуместный посреди дыма и темноты – за которым последовал оглушительный скрежет металла. Как один, мы в ужасе вскинули головы. Но

поздно.

Статуя святой Магдалены раскололась посередине, и бюст качнулся на ветру в сторону Бо и Коко. Она с криком схватила Бо, чтобы оттащить его, но их ноги...

Я бросился вперед. Поймав статую на лету, я тяжело упал на землю, а Бо и Коко отдернули ноги. На мгновение время замерло. Бо посмотрел, не ранена ли Коко. Она закрыла глаза и содрогнулась, всхлипнув. Морщась от боли в боку, я изо всех сил пытался отдышаться, сесть... чтобы...

Нет.

Забыв о боли, я резко вскочил на ноги и посмотрел вперед.

– Здравствуй, Рид, – прошептала Селия.

Бледная и дрожащая, она прижимала к груди кожаную сумку. Небольшие порезы и царапины портили ее фарфоровую кожу, подол платья свисал клочьями. Черный шелк. Платье с похорон Филиппы.

– Селия. – Секунду я просто смотрел на нее, не веря своим глазам. Откуда она здесь? Она не смогла бы в одиночку преодолеть леса в одном шелковом платье и туфлях. Но как еще можно объяснить ее появление? Она же не просто *случайно* оказалась в этом месте в это самое время. Она... вероятно, шла за нами. *Селия*. Меня как обухом ударило. Я схватил ее за плечи, борясь с желанием встряхнуть ее, обнять, накричать на нее. В ушах стучала кровь. – Какого *черта* ты здесь делаешь?

Селия отстранилась, сморщив носик, а я опустил руки и отшатнулся.

– Прости. Я не хотел...

– Мне не больно.

Она скользнула глазами – широко распахнутыми, тревожными – по моей рубашке.

Только сейчас я увидел на ней темную жидкость. Металлическую. Вязкую. Ткань прилипла к коже. Я нахмурился.

– Просто ты... ты весь в крови.

Сбитый с толку, я слегка развернулся, задрал рубашку и посмотрел на ребра. Тупая боль в боку скорее говорила об ушибе, нежели о ране.

– Рид! – воскликнул Бо.

Я замер, услышав его голос. Медленно я проследил, куда он указывал – туда, где на снегу лежала святая Магдалена.

Куда лились ее кровавые слезы.

La Petite Larme

Рид

Мы тихо и тревожно перебросились словами – словно статуя могла нас услышать – и снова укрылись в церкви.

– Это все та чертова псина виновата, – сказал Бо, плюхаясь на скамью рядом с Коко.

У кафедры вдруг возникла Лу. При свечах было видно только половину ее лица, другая была скрыта в тени. Холодок пробежал у меня по спине, когда я увидел этот хтонический образ, словно ее рассекло пополам. Наполовину Лу и наполовину... нечто другое. Нечто темное.

Лу нахмурилась, переводя взгляд с меня на Селию и обратно.

– Это еще что?

– *Это*, – ответил я грубее, чем хотел, и мрачно повернулся к Селии, – ничего. Утром она отправится домой.

Селия вздернула подбородок и крепче сжала ремешок кожаной сумки. Ее руки слегка дрожали.

– Ни за что.

– Селия. – Я раздраженно подвел ее к скамье, на которой сидела Лу. Лу даже не поприветствовала ее. Странно. Я думал, что после случившегося на Маскараде Черепов они стали ближе. – Ты же видела, как здесь опасно. Все в королевстве желают нам смерти.

– Лично я не желаю нам смерти. – Бо скрестил ноги и обнял Коко за плечи. Он перевел взгляд на Селию, и та покраснела. – Кстати, спасибо, что предупредили нас тогда, мадемуазель Трамбле. Кажется, все совершенно позабыли о хороших манерах. Ужас какой. Если бы не вы, эта статуя рухнула бы на нас.

– Статуя? – спросила Лу.

– Статуя на кладбище... упала, – пробормотал я. О слезах я говорить не стал.

Не обращая внимания на меня и Лу, все еще смущенная из-за пристального взгляда Бо Селия присела в глубоком реверансе.

– В-ваше высочество. Не только они позабыли о хороших манерах. Прошу простить меня.

Бо приподнял бровь и с ухмылкой посмотрел на меня поверх склоненной головы Селии.

– А она мне нравится.

Коко надела капюшон, чтобы скрыть лицо. Она не обни-

мала Бо в ответ, но и не отстранялась.

– Ей не стоит быть здесь.

– Это все пес, – уверенно повторил Бо. – Куда бы он ни пошел, за ним следует беда. Когда тот рыбак пытался нас утопить, пес тоже был там.

Селия нахмурилась.

– Но рыбак не... – Под нашими пристальными взглядами она резко замолкла и еще сильнее покраснела. Затем повела изящным плечиком. – Лодка перевернулась на волне. Разве вы забыли?

– Ты что, *следила за нами?* – спросила Лу.

Селия ни на кого не смотрела.

Я тяжело опустился на скамью и положил руки на колени.

– Что ты здесь делаешь, Селия?

– Я... – В ее лице читалась боль, уязвимость. Она посмотрела на Лу, Бо и Коко, а затем на меня. – Я бы хотела помочь.

– Помочь, – эхом отозвалась Лу. Насмешливо.

Селия нахмурилась, услышав ее тон.

– Я думаю... Я думаю, что смогу принести вам пользу в погоне за М-М... – Она снова замолчала, подняв свою кожаную сумку повыше и расправив плечи. – В погоне за Госпожой Ведьм.

– Ты даже ее имя не можешь произнести, – проворчал я, потирая виски.

– Мне не нужно произносить имя, чтобы убить ее.

Убить ее.

Боже *милостивый*.

Неожиданно с губ Лу сорвался смешок. Она широко улыбнулась и хлопнула в ладоши. Еще раз. И еще. В глазах ее снова появился странный блеск.

– Так-так, кажется, котенок наконец выпустил когти. Я впечатлена. – Ее смех заползал мне под кожу, царапал нутро. – Но моя мать не мышь. Как ты намерена убить ее? Присядешь в реверансе? Пригласишь на чай?

Да, я явно неверно истолковал их отношения.

Судя по стиснутым зубам Бо, он тоже.

– Оставь ее в покое, Лу.

Селия бросила на него благодарный взгляд. Приободрившись, она сказала уже увереннее:

– Я не знаю, *как* ее убить – *пока* не знаю, – но у меня есть сведения. Вы не ошиблись, ваше высочество. – Селия вынула из сумки хрустящий холщовый конверт. Я узнал почерк Жан-Люка. – Король Огюст отсрочил казнь твоей матери на неопределенное время. Он хочет использовать ее магию, чтобы потушить пожар.

– Я же говорил. – Бо кивнул мне.

Когда Селия протянула мне конверт, я бегло проскользнул глазами по письму и вернул его назад.

– Спасибо, Селия. Правда. Но тебе нельзя оставаться с нами. А если с тобой что-нибудь случится? Я никогда не прощу себе этого. – Я замолчал и снова нахмурился. Кстати говоря... – А что твои родители сказали?

– Ровным счетом ничего, – неодобрительно фыркнула она.

Я нахмурился еще больше.

– Они не знают, что ты здесь, да? – усмехнулся Бо, вскинув бровь. – Хитрая шалунья. Что ж, полагаю, проще просить прощения, чем разрешения.

Я застонал и закрыл лицо руками.

– *Селия.*

– *Что?*

Ее хрупкое самообладание тут же треснуло. Я выпрямился. Поразительно. Сколько я знаю Селию, она никогда *не теряла* самообладания.

– Не волнуйся, Рид, все королевство за мной не отправят. Когда я пропала в прошлый раз, они *не особо* торопились искать меня, если ты согласишься вспомнить. Не дай боже до кого-нибудь дойдет молва, что отец не может управиться с собственным семейством.

Я моргнул, чтобы скрыть потрясение. Я, конечно, знал, что мсье Трамбле ужасный, но не предполагал, что настолько.

– Жан-Люк будет искать тебя. И приведет с собой всех шассеров.

Селия потрясла конвертом у меня перед носом.

– Жан-Люк знает, что я здесь. Господи, да он сам *видел*, как я похитила отцовский экипаж и ругал меня потом.

Я уставился на Селию. Я никогда не видел, чтобы она во-

ровала. Или упоминала имя Господа всеу.

Селия тяжело выдохнула через нос и спрятала письмо в плаще.

– Я все же надеялась, что *вы* оцените мою помощь. Если я буду в вашей банде ведьм и беглецов – простите, ваше высочество, – Жану придется тогда схватить и меня вместе с вами. Этого не случится. Он больше не будет преследовать вас.

– Ох, увидеть бы его физиономию. – Лицо Бо исказилось, словно от боли. – И все-таки Бог есть, и Он ненавидит меня.

– Неважно. – Я вскочил на ноги, желая поскорее закончить наше препирательство. Нужно найти отца Ашиля и все ему рассказать, попросить еще один плед. – С нами ты пойти не можешь.

Расправив плечи и выпрямив спину, в безмолвной ярости Селия смотрела на меня. Она так крепко сжала сумку, что пальцы у нее побелели.

– Чего я *не могу*, – наконец процедила она сквозь стиснутые зубы, – так это посмотреть родителям в глаза. Они хотят притвориться, что ничего не случилось. Хотят вернуться к прежней жизни. Но меня они заставить не могут. – Ее голос стал угрожающе тих. – И *ты* меня не заставишь. Мне становится тошно при мысли о том, чтобы с-сидеть дома – изображать реверансы перед дворянами, потягивать чай, – пока Моргана на свободе.

Я не замедлил шага, и Селия отчаянно продолжила:

– Она держала меня в гробу с Филиппой несколько *недель*,

Рид. Недель. Она... она п-пытала меня, искалечила тех детей. Чего я *не могу*, так это сидеть сложа руки.

Я замер у кафедры. Конечно, я просто ослышался. Конечно, этот внезапный страх, сковавший грудь... был неуместен. Я не обернулся.

– Что?

В ответ послышался всхлип.

– Не вынуждай меня повторять, – сказала она.

– Селия...

Когда я наконец двинулся к ней, чувствуя приступ тошноты, она остановила меня взмахом руки. По ее щекам катились слезы. Селия не стала скрывать их. Не стала смахивать. Она сняла с плеча сумку и высыпала ее содержимое на прогнивший дощатый пол: украшения, кроны, драгоценные камни, даже какую-то чашу. Все взволнованно посмотрели на ее маленькое сокровище, я же слышал только ее слова. Представлял сказанное ею.

Филиппа была старше нас на несколько лет. В отличие от Селии она была мне как сестра. Чопорная и недовольная, но все же сестра. При мысли о том, что Селия лежала в гробу с ее трупом – спустя несколько *месяцев* после ее похорон, – я почувствовал, как в желудке у меня все скрутило. Я подавился желчью.

– Я не просто похитила отцовский экипаж, – прошептала Селия в тишине. Она указала на сверкающие драгоценности. – Я украла у него ценности из хранилища. Нам же нуж-

ны деньги для путешествия.

Бо поднялся, чтобы взглянуть поближе, и потянул за собой Коко.

– Как ты *донесла* все это? – Он с сомнением посмотрел на ее руки, а Лу подошла к нему и Коко.

Коко равнодушно перебирала монеты ногой.

– А где твой экипаж?

Селия бросила кожаную сумку и сжала пальцы.

– Оставила в конюшне у трактира.

– А твой лакей? – Опустившись на колени, Бо осторожно потрогал сумку, словно та была сделана из человеческой кожи. Может, так и было. Когда-то мсье Трамбле имел дело с опасными магическими предметами. Потому ведьмы и убили Филиппу. – Кучер?

– Я сама управляла каретой.

– *Что?* – Резко обернулся к ней Бо, но именно мой голос прорезал воздух. – Ты с ума сошла?

Лу снова хихикнула, весьма довольная происходящим.

Бросив на нее свирепый взгляд, я ринулся обратно. Гнев во мне закипал и грозился вылиться наружу. Я сделал глубокий вдох. Еще один.

– Все. Хватит. Я поговорю с отцом Ашилем, и он попросит кого-нибудь сопроводить тебя на рассвете в Цезарин.

Я начал яростно запихивать украшения в сумку Селии. Даже полная тяжелых драгоценностей, для меня она ничего не весила. Может, она сделана и не из человеческой кожи,

но уж точно при помощи магии. Чертов Трамбле. Чертова Селия. Если бы какая-нибудь ведьма увидела у нее эту сумку, Селия разделила бы участь Филиппы. Может быть, этого она и хотела. Возможно, после Маскарада Черепов она желала умереть.

Но помогать ей в этом я не собирался.

– *Постой.* – Коко вдруг схватила меня за руку.

Давно я не слышал, чтобы она говорила так эмоционально. Ее пальцы дрожали. Откинув капюшон, Коко вырвала у меня из рук медальон. Она поднесла его к свету, и ее лицо – побледневшее еще сильнее, почти посеревшее – отразилось на его золотой поверхности. В центре продолговатого кулона филигрань окружала бриллиант. Узор напоминал... волны.

– Откуда он у тебя? – тихо и холодно спросила Коко.

Лу тут же возникла у нее за спиной. Бриллианты отражались в ее глазах, и те, казалось, теперь отливали серебром.

У Селии хватило ума сделать шаг назад.

– Я... я же говорила. Украла из отцовского хранилища.

Селия посмотрела на меня, ища поддержки, но я не мог ей дать ее. Никогда я еще ни видел такой напористости – такой *одержимости* – ни в глазах Коко, ни в глазах Лу. Они вели себя... тревожно. Какую бы реликвию Селия случайно ни забрала с собой, она была очень важна.

– В детстве я обожала этот медальон, но он... он не открывается. Отец не смог его продать.

Коко вздрогнула, словно ее оскорбили, и вынула клинок

из плаща. Я поспешно загородил собой Селию.

– Ой, я тебя умоляю, – проворчала Коко и уколола себе палец.

Одна-единственная капля крови упала на бриллиант, превратившись в идеальный круг. Затем – невероятно – кровь затекла под камень, закручиваясь багрянцем. Когда цвет рассеялся, медальон со щелчком открылся.

Склонившись ниже, мы зачарованно смотрели на кристально чистую поверхность. Лу отпрянула.

– *La Petite Larme*, – мягко сказала Коко, тут же забыв про гнев.

– Слезинка, – эхом отозвался Бо.

– Зеркальце, сделанное из капли Лё-Меланколик. – С непроницаемым лицом Коко посмотрела на свое отражение и перевела взгляд на Селию. Снова скривила губы от отвращения. – Медальон и не открылся бы, потому что не принадлежит тебе. Это медальон моей матери.

Упади сейчас на пол булавка, мы бы ее услышали. Даже отец Ашиль – который ворвался в часовню из кухни в фартуке, сжимая мыльную тарелку и ворча из-за шума, – понял, что потревожил нас. Прищурившись, он посмотрел на Селию и золото у ее ног.

– Селия Трамбле, – мрачно сказал он. – Далеко вы забрались от дома.

Селия одарила его вежливой, но нервной улыбкой. Угрюмой.

– Прошу прощения, мсье, кажется, я не имела удовольствия с вами познакомиться.

– Ашиль, – представился священник, поджав губы. – Отец Ашиль Альтье.

Коко с щелчком закрыла медальон. Молча натянула капюшон на голову.

– Отличный у вас фартук, – ухмыльнулся Бо, глядя на нарисованные вручную розы синего, красного и зеленого цветов. Мазки были большие и неровные, словно рисовал ребенок.

– Племянницы сделали его для меня, – пробормотал отец Ашиль.

– Подчеркивает ваши глаза.

Отец Ашиль швырнул в Бо тарелку. Тот поймал скользкое блюдо, прижал его к груди, но вода все равно брызнула ему лицо.

Священник кивнул с праведным удовлетворением.

– Сегодня я в последний раз мыл за тобой тарелки, юноша. Остальное домоешь сам... и кухню тоже. Скажи спасибо ей. – Он раздраженно ткнул большим пальцем в сторону Лу. – Ведро и швабра ждут тебя.

Бо уже открыл рот, чтобы возмутиться и возразить, как его прервала Селия:

– Отец Ашиль. – Она присела в реверансе, но уже не таком глубоком. Не таком низком. С едва скрываемым неодобрением она окинула взглядом его цветистый фартук и потре-

панное облачение, говорившие о запустении церкви. – Рада с вами познакомиться.

Отец Ашиль неловко заерзал, словно не привык к таким изящным манерам. Не знай я его чуть лучше, подумал бы, что он почувствовал себя неуютно под ее взглядом. Даже смущенным.

– Я знал вашу матушку, – наконец пояснил он. – Когда жил в Цезарине.

– Я передам ей от вас наилучшие пожелания.

– Не стоит, – фыркнул он. – Я знал ее, но она мне не особо нравилась. – Увидев возмущение на лице Селии, он проворчал: – Уверю вас, это было взаимно. Итак... – Он выпрямился со всем достоинством, на которое был способен. – Не мне спрашивать, что вы делаете в Фе Томб², мадемуазель Трамбле. И не мне вам говорить, что весьма неразумно связываться с этой шайкой. Так что я промолчу. Потому что мне все равно. Просто до своего отъезда не чините мне неприятностей.

Когда он развернулся на каблуках, я шагнул вперед.

– Селию нужно сопровождать обратно в Цезарин.

– Рид. – Теперь Селия уже топнула ножкой. – Хватит уже... уже...

– Артачиться? – подсказал Бо.

Отец Ашиль бросил через плечо хмурый взгляд на нас.

– Я вам не нянька.

² Могила фей (*фр.*).

– Видишь? – Селия, торжествуя, просияла и вскинула палец вверх. – Он не повезет меня, а путешествовать одной слишком опасно. Лучше мне остаться здесь. С тобой.

Я стиснул зубы.

– До сих пор опасность тебя не смущала.

– Да, но... – В глазах Селии промелькнуло нечто похожее на беспокойство, и ее улыбка растаяла. – Я... я немного... приврала. Совсем чуть-чуть, несущественно, – поспешно добавила она, увидев выражение моего лица. – Я сказала, что оставила карету в конюшне, но *на самом деле* я не туда свернула...

– Это куда же? – требовательно спросил я.

– К маяку.

Отец Ашиль медленно обернулся.

– Прямо перед рассветом я упустила вас из виду. – Селия сцепила руки на талии. – Подъехав к развилке, я... я выбрала тропу, ведущую прочь от деревни. Я даже не подумала, что вы будете искать убежище в церкви. Мне невероятно повезло, что я нашла вас...

– *Милая* Селия, – оборвал ее Бо, – пожалуйста, ближе к делу.

Она снова покраснела и опустила голову.

– К-конечно, ваше высочество. Простите. Когда я подъехала к маяку, что-то зашевелилось в темноте. Кабо испугался и едва не сбросил нас с утеса, торопясь убежать. Колесо сломалось у обрыва. Я смогла освободить Кабо прежде, чем

каре́та рухнула бы в море... рухнула бы, если бы то существо не схватило ее. – Селия вздрогнула. – В жизни не видела подобных чудовищ. Длинные спутанные волосы и кожа, скрытая тьмой. Острые белые зубы. Гнилостный запах. Разлагающаяся плоть. Если бы я не сбежала верхом на Кабо, это чудовище точно бы сожрало нас обоих. – Она тяжело вздохнула, поднимая на меня глаза. – Так что я оставила в конюшне *Кабо*, а не карету. Вернуться за ней я не могу, потому что она в лапах чудовища, а без нее путешествовать опасно. Я *должна* остаться с тобой, Рид, иначе домой в живых я не вернусь.

– Кошмар, – пробормотала Лу.

Я устало протянул ей руку.

– Что?

Слегка улыбнувшись, она переплела свои пальцы с моими. Они были ледяные.

– Я ничего не сказала.

– Сказала...

– На маяке и правда поселился кошмар. – Увидев наши непонимающие взгляды, отец Ашиль неохотно объяснил: – Так его называют местные. Он пришел в Фе Томб три дня назад. Все жители деревни в ужасе. – Он хмуро покачал головой. – Болваны хотят разрушить маяк завтра утром.

Что-то в его хмуром взгляде беспокоило меня.

– А этот кошмар навредил кому-нибудь?

– Мне! – воскликнула Селия. – Он едва не перепугал меня и Кабо до смерти!

– Трагедия века, – усмехнулась Коко под капюшоном.

– Коко, – предостерег Бо, – это ниже твоего достоинства.

Если уж хочешь язвить, делай это остроумно.

– Я вовсе не язвила, – сладко сказала Коко. – Коня я бы оплакивала.

– Прошу прощения? – Селия развернулась к ней, изумленно приоткрыв рот. – М-мне очень жаль, что все так получилось с медальоном твоей м-матери, Козетта, но я же *не знала...*

– Кошмар кому-нибудь навредил? – перебил я ее.

– Это неважно. – Отец Ашиль пожал плечами.

– Мне важно.

– Толпа идет, юноша. Они убьют тебя.

– Вам все равно.

– Ты прав. – Священник раздул ноздри. – Мне все равно.

Кошмары известны своей жестокостью, но существо ни на кого еще не напало. Вчера ночью оно вломилось в мясную лавку и украло какие-то объедки. Больше я ничего не знаю. – Когда я обменялся взглядами с Лу и Бо, отец Ашиль процедил сквозь стиснутые зубы так, словно слова причиняли ему боль: – Не вмешивайся. Это не твоя битва.

А по мне так как раз моя, ведь толпа собиралась сжечь невинное существо. Дай им возможность, они бы и с Лу так поступили. С Коко. С моей матерью. Со мной. Знакомый гнев, густой и вязкий, закипел во мне. Вот только не одни жители деревни во всем виноваты. Да, они намеревались

убить невинного, но Моргана пытала и искалечила моих братьев и сестер – они стали несчастными жертвами в войне, которую не выбирали. В войне, которую не выбирал и этот кошмар.

Хватит.

Короткая остановка у маяка никому не навредит. Мы предупредим кошмара до того, как нагрянет толпа, – может, даже освободим его – и уйдем еще до рассвета. Это благородный поступок. Возможно, Лу выбрала для нас неверный путь, но сегодня я почувствовал, что могу сделать шаг в верном направлении. Может быть, это откроет для нас новый путь. Тот, что будет лучше.

По крайней мере, это немного задержит нас на пути к Шато ле Блан. И возможно...

– Нет, – из-под капюшона раздался резкий голос Коко. – Кошмары опасны, а нам нельзя отвлекаться. Нужно идти в Шато.

Лу ухмыльнулась и кивнула.

– Если поможем кошмару, – пробормотал я, – может, он поможет и нам. *Вот* и твой таинственный союзник, Козетта. И деревья не нужны.

Я не видел ее лица, но чувствовал, что она сердится.

Покачив головой, я протянул Селии свой плед и вернулся на свою скамью. Лу не выпускала моей руки. Большим пальцем она провела по венам на моем запястье.

– Нам нужен экипаж Селии, – сказал я. – Возвращается

она домой или нет.

Селия вскинула голову.

– На карете путешествовать куда быстрее.

– Да. – Я долго смотрел на Селию. Она предстала передо мной в совершенно новом свете. При виде ее взгляда, полного надежды, расправленных плеч, лицо у меня дрогнуло. Селия была уже не той девушкой, что я знал прежде. – Куда быстрее.

Всплеснув руками, отец Ашиль пошел на кухню подальше от нас.

– Дураки вы все, – мрачно бросил он через плечо. – Кошмар сильнее всего по ночам. Идите к нему на рассвете прежде, чем толпа нападет. И ни в коем случае не дайте селянам заметить вас. Страх лишает людей последнего ума. – Бросив взгляд на меня и Селию, он покачал головой. – Как, впрочем, и смелость.

Коварное присутствие

Лу

Из темноты слышится голос.

Не *тот* голос. Не тот ужасный голос, что напевает и манит. Этот – резкий, звонкий, пронзительный. Знакомый. Он не соблазняет меня. Он... он *ругает* меня.

«Проснись! – кричит он. – Ты еще не умерла».

Мне незнакомо это слово. Мне не понятна смерть.

«Смерть никому не понятна. Но не это важно... а может, как раз и это. Ты исчезаешь».

Исчезаю. Тьма предлагает забвение. Сладкое облегчение.

«К черту все это. Ты слишком долго и упорно трудились, чтобы вот так сдаться. Давай же. Ты хочешь большего, чем забвение. Ты хочешь жить».

Призрачный смешок разносится сквозь темноту. Сквозь бескрайнюю черноту. Он обвивается вокруг меня, лаская

рванные грани моего сознания, убаюкивая разбитые осколки в моем нутре.

«Сдавайся, мышка. Позволь мне поглотить тебя».

Мне больно. С каждым ударом тьмы боль усиливается и в конце концов становится невыносимой.

«Это твоё сердце».

Резкий голос возвращается, сейчас громче. Громче, чем ритмичный барабанный бой. *Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.* Невольно я отшатываюсь, но не могу скрыться от этого звука. От боли. Звук эхом отдается повсюду, он вокруг меня.

«Оно всё ещё бьётся».

Я пытаюсь осмыслить звук, взглянуться во тьму туда, где может биться сердце. Но ничего не вижу.

«Не прячься, Лу. Овладей своей болью. Используй её».

Лу. Знакомое слово, как выдох при смехе. Вдох перед прыжком, вскрик, когда вместо прыжка ты взлетаешь. Это вздох облегчения, раздражения, разочарования. Это вопль гнева и крик страсти. Это... я. Я вовсе не тьма. Я нечто совершенно иное. И этот голос – мой.

«Ну вот, – говорит он – говорю я – с нескрываемым облегчением. – Наконец-то».

Однако я осознаю не только это и резко выгибаюсь, отталкиваясь от сокрушительной черноты. Она отвечает тем же – и теперь это уже не просто тьма, а нечто разумное. Разумное и коварное. Неправильное. Чужеродное. Его не должно быть здесь – уж не знаю, где именно, – потому что это место... оно

тоже принадлежит мне. Как и мое сердцебиение. Как и мое имя. Хотя я вновь выгибаюсь, испытывая свою силу, расширяясь все дальше, вперед, вперед и *вперед*, я встречаю только железное сопротивление.

Тьма непреклонна, как камень.

Игра в вопросы

Рид

Лу кончиками пальцев скользила по моей ноге в такт ритмичному дыханию остальных. С каждым вдохом она скользила вверх, с выдохом переворачивала руку и тыльной стороной ладони вела вниз. Сквозь щели в церкви свистел ветер, от чего по рукам у меня бежали мурашки. Я сидел неподвижно, от ее прикосновений сердце колотилось где-то в горле. Я напряженно ждал. Разумеется, Лу заскользила пальцами все выше и выше, к бедру, медленно соблазняя меня, но я перехватил ее за запястье и накрыл ладонью ее руку. Чтобы остановить.

При виде ладони Лу в моей что-то чуждое забурлило у меня в крови. Я должен был ощутить желание, напряжение от знакомого голода, жар, в который меня бросало от ее прикосновений. Но в животе все сжалось... и чувство это было

совсем иным. Чужеродным. Неправильным.

Полчаса назад все легли спать, меня же охватил страх. Когда Бо заснул последним, оставив нас с Лу наедине, страх лишь усилился.

Откашлявшись, я сжал ее пальцы. Выдавил улыбку. Поцеловал ее ладонь.

– Нужно рано вставать. Освободить кошмара и уйти из Фе Томб. Нам придется еще несколько дней провести в дороге.

Это прозвучало как отговорка.

Так оно и было.

Из горла Лу вырвался низкий звук. С тех пор как мы покинули Цезарин, она больше не повязывала ленту на шею. Мой взгляд упал на ее шрам. Он заживал, но все еще был неровным и покрасневшим. Она погладила его рукой.

– А как освободить кошмара?

– Может, получится образумить его. Уговорить вернуться в лес.

– А если не получится?

– Мы можем только предупредить его о толпе, – вздохнул я. – Заставить его что-то делать мы не можем.

– А если он решит *сожрать* толпу? Если, предупредив его, мы дадим ему такую возможность?

– Не решит, – ответил я твердо.

Лу изучала меня с едва заметной улыбкой.

– А ты привязался к нам, да? – улыбнулась она шире. – К чудовищам.

Я поцеловал Лу в лоб, стараясь не обращать внимания на незнакомый запах ее кожи.

– Спи, Лу.

– Я не устала, – промурлыкала она. Ее глаза были слишком яркими в темноте. И в то же время блеклыми. – Мы спали весь день.

Когда она заскользила рукой по моей груди, я перехватил ее и переплел наши пальцы. Она истолковала мой жест неверно. Приняла его за приглашение. Я даже не успел моргнуть, а она уже перекинула ногу и села мне на колени, неловко вскинув наши руки. Когда она выгнулась и прижалась грудью ко мне, мой желудок камнем рухнул куда-то вниз. Проклятье.

Изо всех сил я старался выглядеть бесстрастным. Разумеется, Лу хотела... прикоснуться ко мне. С чего бы нет? Еще месяц назад я жаждал ее как одержимый. Этот изящный изгиб бедер, волна густых волос, озорной блеск в глазах... Я едва сдерживал себя, чтобы не трогать ее каждую секунду, меня даже не останавливала мысль о том, что рядом моя мать. И даже тогда дело было не только в плотских желаниях.

Лу пробудила меня с первых же секунд нашего знакомства. Само ее присутствие было... заразительно. Даже когда она злила и раздражала меня, мне все равно хотелось быть с ней рядом.

А сейчас я бросал взгляд на Бо, Коко, Селию, молясь, чтобы хоть кто-нибудь пошевелился. Надеюсь, что они откроют

глаза и прервут нас. Но они не просыпались. Они спали, не обращая внимания на мою внутреннюю борьбу.

Я любил Лу. И я знал это. Чувствовал всем своим нутром. И в то же время я ненавидел ее.

Да что со мной *не так*?

Когда Лу прикоснулась губами к моему уху и начала покусывать мочку, меня захлестнула волна гнева. Как же много зубов. Как же много *языка*. Меня снова охватило отвращение. *Почему?* Может, потому что она все еще горевала? Потому что горевал *я*? Может, потому что она набросилась на еду как бешеный зверь, потому что за полчаса моргнула лишь дважды? Мысленно я встряхнулся, злясь на Бо. На *себя*. Конечно, Лу вела себе довольно необычно, но почему от ее прикосновений у меня мурашки бежали по телу?

Хуже того, подобные мысли – этот навязчивый страх, это тревожное отвращение – были подобны предательству. Лу такого не заслужила.

Тяжело сглотнув, я коснулся ее губ. Она энергично поцеловала меня в ответ, без всяких колебаний, и чувство вины только усилилось. Лу же, кажется, не замечала моего нежелания. Наоборот, еще крепче прижалась ко мне. Неуклюже. Страстно. Когда она снова припала губами к моей шее, посасывая вену, в которой учащенно пульсировала кровь, я сокрушенно покачал головой. Все тщетно. Я опустил руки ей на плечи.

– Давай поговорим.

Слова вырвались сами собой. Лу удивленно моргнула, и в ее блеклых глазах промелькнула нечто похожее... на неуверенность. Я возненавидел себя за это. За время нашего знакомства я лишь дважды видел неуверенность в ее глазах, и оба раза это ничем хорошим не кончилось. Однако неуверенность быстро исчезла и сменилась зловещим блеском.

– Языками зацепимся, да?

Нежно, но твердо я ссадил ее со своих колен.

– Нет.

– Уверен? – Напевая, Лу соблазнительно наклонилась ко мне. Или, по крайней мере, попыталась это сделать. Ей не хватало прежнего изящества.

Я отстранился, изучая ее чересчур яркие глаза. Ее покрасневшие щеки.

– Что-то не так?

«Скажи мне что. Я все исправлю».

– Вот ты и скажи. – Лу снова начала скользить руками по моей груди.

Едва сдерживая досаду, я перехватил ее руки и предостерегающе сжал ее ледяные пальцы.

– Поговори со мной, Лу.

– И о чем же ты хочешь поговорить, *дорогой* супруг?

Я сделал глубокий вдох, пристально глядя на нее.

– Об Анселе.

Его имя повисло между нами тяжелой, мертвой тушей.

– Об Анселе. – Лу нахмурилась и отдернула руки. Ее

взгляд стал отстраненным. Закрытым. Она уставилась куда-то мне за спину, ее зрачки едва заметно расширились и сужались. – Ты хочешь поговорить об Анселе.

– Да.

– Нет, – отрезала она. – Я хочу поговорить о тебе.

– А я нет. – Я прищурился.

Она ответила не сразу, продолжая пристально смотреть, словно искала... что? Нужные слова? Раньше Лу никогда не заботили нужные слова. Она, наоборот, наслаждалась, когда говорила что-то не к месту. Если честно, я и сам наслаждался, слушая ее в такие минуты.

– Тогда давай еще разок сыграем в вопросы, – вдруг сказала она.

– Что?

– Как тогда в кондитерской. – Лу быстро кивнула, словно самой себе, и наконец посмотрела на меня. Затем склонила голову. – Ты тогда не съел булочку.

– Что? – удивился я.

– Булочку. Ты не съел ее.

– Да, я понял. Просто... – Я покачал головой, сбитый с толку, и снова заговорил: – Я не такой сладкоежка, как ты.

– Хм-м. – Лу сладострастно облизала губы. Когда она положила руку на скамью мне за спину, я сдержал желание отодвинуться. Но когда она запустила пальцы мне в волосы, я уже не удержался. Но Лу не сдавалась, всюду преследуя меня подобно чуме. – Оленина тоже вкусная. Соленая. Нежная.

Если, конечно, – добавила она со знанием дела, улыбаясь, – есть ее сразу.

Я уставился на нее в замешательстве. Затем в ужасе. Она имела в виду, что есть мясо нужно *сырым*.

– Иначе трупное окоченение сделает мясо жестче. Нужно повесить тушу и оставить ее на две недели, чтобы разрушить соединительные ткани. Правда, тогда мухи налетят.

– Когда, черт возьми, ты ела *сырого оленя*? – пораженно спросил я.

Кажется, после моего ругательства глаза Лу загорелись, и она взволнованно замурлыкала, наклоняясь ко мне.

– Попробуй. Может, тебе понравится. – А затем: – Хотя полагаю, что охотникам в Башне сдирать шкуры с оленей ни к чему, вы ведь там как сыр в масле катаетесь. Ты когда-нибудь страдал от голода?

– Да.

– Я про настоящий голод. А от холода? От такого, что внутри все леденеет и ты промерзаешь насквозь?

Несмотря на грубые слова, в ее голосе не было неприязни. Только любопытство. *Искреннее* любопытство. Лу раскачивалась назад и вперед, не в силах сидеть на месте, и смотрела на меня. Я уставился на нее в ответ.

– Ты же знаешь, что да.

– Правда? – Поджав губы, она снова кивнула. – Да. Конечно, знаю. Яма. Ужасно холодно там было, да? – Двумя пальцами она скользнула по моей ноге. – И даже сейчас ты

голоден, так?

Лу хихикнула, когда я отнял ее руку и положил ей на колени.

– Что... – я откашлялся и продолжил: – ...Ты хочешь еще спросить?

Я могу подыграть ей. Поддержать ее затею. Если это может достучаться до Лу, разгадать, что... *изменилось* в ней, я посижу тут всю ночь. Я помогу ей. Да. Потому что, если она и вправду горюет, ей нужно выговориться. *Нам* обоим нужно выговориться. И снова меня пронзило чувство вины, когда я взглянул на ее руки. Она крепко сцепила их вместе.

Мне стоило бы взять ее за руки. Но я не мог заставить себя сделать это.

– О-о-о, вопросы, вопросы. – Лу задумчиво поднесла переплетенные пальцы к губам. – Если бы ты мог стать кем угодно, кем бы стал? – Очередная усмешка. – В чьей шкуре ты хотел бы оказаться?

– Я... – Даже не подумав, я бросил взгляд на Бо. От нее это не ускользнуло. – Никем бы я не хотел быть.

– Не верю.

– А кем бы ты хотела стать? – спросил я, ошетилившись.

Лу сложила руки на груди, все так же сплетая пальцы. Можно было подумать, что она молится. Вот только в ее глазах играл расчетливый огонек, а на губах – дьявольская усмешка.

– Я могу стать кем захочу.

Я откашлялся, чувствуя, как у меня встают дыбом волосы, и очень стараясь не замечать этого. Я был растерян.

– Откуда ты знаешь об этих существах, кошмарах? Я всю жизнь изучал сверхъестественные силы, но ни разу о подобном не слышал.

– Ты *уничтожал* сверхъестественные силы. А я жила среди них. – Лу наклонила голову, отчего у меня по спине пробежал холодок. – Я и есть такая сила. В тени мы узнаем больше, чем при свете. – Когда я ничего не сказал, она резко и прямо спросила: – Как бы ты хотел умереть?

Так. Я посмотрел на нее с пониманием. Ну наконец-то.

– Если бы я мог выбирать... думаю, я бы хотел умереть от старости. Располневшим и счастливым. В окружении близких.

– Ты бы не выбрал смерть в бою?

Испуганный вздох. Тошнотворный глухой удар. Алый ореол. Я отбросил последнее воспоминание об Анселе и посмотрел Лу прямо в глаза.

– Я бы никому не пожелал такой смерти. Даже себе. Не теперь.

– *Он* пожелал ее.

Хотя сердце у меня сжалось, а в глазах неприятно защищало от мысли о его имени, я склонил голову.

– Да. И за это я буду чтить его до конца своих дней. За то, что он решил помогать тебе, сражаться рядом с тобой. За то, что он решил противостоять Моргане вместе с тобой. Он

был лучшим из нас.

Улыбка Лу наконец растаяла, и я взял ее за руку. И хотя рука была ледяной, я не выпустил ее.

– Не нужно терзаться чувством вины. Ансель сам принял такое решение. Не ради тебя или меня, но ради *себя*. Итак, – твердо сказал я прежде, чем она успела возразить, – твоя очередь. Спрашивай.

Лицо Лу оставалось непроницаемым. Бесстрастным.

– Я не хочу умирать.

Я растер ее ледяную руку, пытаясь согреть.

– Знаю. Но если бы тебе пришлось выбирать...

– Я бы не выбрала смерть, – сказала она.

– Всех нас ждет смерть, Лу, – мягко произнес я.

Она наклонилась поближе, проведя рукой по моей груди.

– Кто сказал, Рид? – прошептала Лу мне на ухо. Она коснулась моей щеки, и на секунду я растворился в ее голосе. Если закрыть глаза, я могу притвориться, что со мной рядом прежняя Лу. Могу притвориться, что эти ледяные руки принадлежат ей – сквернословящей воровке, дикарке, ведьме. Я могу притвориться, что ее дыхание пахнет корицей, а длинные каштановые волосы струятся по плечам. Могу притвориться, что все это хитроумная шутка. *Неуместная* шутка. Лу бы засмеялась и щелкнула меня по носу. Сказала бы расслабиться. Но вместо этого она коснулась моих губ своими. – Кто сказал, что мы должны умереть?

Тяжело сглотнув, я открыл глаза, и чары рассеялись.

Имя мне – Легион

Лу

Когда теряешь свое тело или скорее осознание собственного тела, хорошего в этом мало. У меня нет глаз, чтобы видеть. Нет ушей, чтобы слышать. Нет ног, чтобы ходить и нет зубов, чтобы есть. Я просто парю во тьме. Только... можно ли парить без тела? Или я всего лишь существую? Эта тьма и не тьма вовсе. А значит...

О боже. Теперь я существую внутри Николины ле Клер.

Нет. Это *она* существует во мне. Эта дрянь похитила мое тело.

Надеюсь, у меня сейчас идут месячные. Будет ей поделом.

Я с нетерпением жду ее ответа, но не слышу призрачного смешка на свою резкость. Еще попытка. На этот раз громче. Я выкрикиваю свои мысли – а можно ли думать без мозга? – в бездну.

«Я знаю, ты слышишь меня! Надеюсь, моя утроба восстала против тебя!»

Тьма словно шевелится в ответ, но все так же молчит.

С трудом сосредоточившись, я пытаюсь ее толкнуть. Она не шевелится. Я пробую снова, уже сильнее. Ничего. Не знаю, как долго это длится. Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я вновь обрела сознание. Время здесь ничего не значит. Такими темпами я верну себе тело лет через триста и очнусь в могиле уже даже не скелетом, а пылью. По крайней мере, моя мать не сможет убить скелет. А еще у скелетов нет утробы.

Кажется, я схожу с ума.

С последним яростным толчком я противлюсь приступу гнева. Чувства здесь кажутся... другими. Они дикие и необузданные, ведь их больше не сдерживает тело. Иногда в подобные мгновения я чувствую – какой бы я сейчас ни была, – что окунаюсь в них, погружаюсь. Словно сама *превращаюсь* в эмоции.

Риду бы здесь точно не понравилось.

Мысль о нем проникает мне в подсознание, и новое чувство грозит поглотить меня. Тоска.

Заметил ли он, что я сама не своя? А другие? Понимают ли они, что со мной случилось?

Я вновь сосредотачиваюсь на Николине, на тьме, чтобы тоска не поглотила меня полностью. Нет никакого толку терзаться этим, и все же от очередной мрачной мысли холод

пробирается сквозь туман и мое сознание: как они смогли бы что-то заметить? Ведь еще до того, как Ля-Вуазен и Николина предали нас, я была сама не своя. Я все еще чувствую все трещинки и рваные края в своей душе, которые сама же и создала.

И одна рана болит сильнее всех прочих.

Я невольно отшатываюсь от нее, но рана отдается его глазами цвета виски, загнутыми ресницами и мягким, мелодичным смехом. Она ноет ощущением того, как он обнимает меня длинной рукой за плечи, сжимает в теплой ладони мою руку. Она пульсирует сочувствием, притворным акцентом и украденной бутылкой вина, застенчивым румянцем и шутивными днями рождения. Она горит преданностью, которой уже нет в этом мире.

Он так и не дожил до семнадцати лет.

Ансель пожертвовал всем, пробил во мне брешь, и я позволила Николине проникнуть в эту брешь. Вот как я отплатила ему – утратила саму себя. В глубине сознания бурлит отвращение к себе, черное и ядовитое. Он заслуживал лучшего. Он заслуживал большего.

И я бы подарила ему все это. Пусть Бог, или Богиня, или темнота моей гребаной души будут свидетелем, я бы подарила ему это. Я бы сделала все, чтобы его смерть не была напрасной.

«О, bravo», – пробормотал в ответ незнакомый голос, напугав меня.

Чернильный туман сжимается от моего испуга, но я отчаянно отталкиваю его, пытаюсь понять, что еще таится во мраке рядом со мной. Это не Николина. И точно не я. А значит... здесь еще кто-то есть.

«Кто ты? – спрашиваю я с притворной бравадой. Материны титьки, сколько же людей или духов, сущностей или еще чего может уместиться в одном теле? – Чего ты хочешь?»

«Не пугайся. – Уже другой голос. Такой же незнакомый. – Мы не можем тебе навредить».

«Мы – это ты».

«Или скорее, – добавляет третий, – мы – это она».

«Это не ответ, – отрезаю я. – Кто вы такие?»

Короткое молчание.

«Мы не помним», – наконец говорит четвертый голос.

«А уже скоро не вспомнишь и ты». – Пятый.

Будь у меня тело, холод пробрал бы меня до костей.

«Сколько... сколько вас тут? – тихо спрашиваю я. – Неужели никто не помнит своего имени?»

«Имя нам – легион, – отвечают в унисон голоса, не сбившись с ритма. – Ибо нас много».

Боже мой. Голосов куда больше, чем пять. Скорее их пятьдесят. Черт, черт, *черт*. Я смутно припоминаю отрывок из Библии Архиепископа, которую он одолжил мне в Башне. Человек, который произнес эту фразу про легион, был одержим демонами. Но... это ведь не демоны, нет? Неужели Николина одержима демонами?

«Увы, мы не знаем, — дружелюбно говорит первый голос. — Мы не помним, сколько уже живем здесь. Может, мы демоны, а может, мыши. Мы видим только то, что видит наша госпожа. Мы слышим только то, что слышит наша госпожа».

Мыши.

«Она говорит с нами иногда, — добавляет другой голос, и отчего-то я чувствую в нем озорство, насмешку. Просто знаю об этом, словно поток его сознания слился с моим. — Кстати говоря, мы пошутили. Нас зовут вовсе не Легион. Дурацкое имя».

«Мы так представляемся новичкам».

«Они всегда бурно реагируют».

«Правда, на этот раз мы процитировали эту строчку из твоих воспоминаний. Ты религиозна?»

«Невежливо людей о таком спрашивать».

«Она больше не человек. Она одна из нас. Да и мы уже все равно знаем ответ. Просто из вежливости поинтересовались».

«Напротив. Рыться в чужих воспоминаниях весьма грубо».

«Вот когда они исчезнут, тогда и будешь нотации читать. А сейчас посмотри, они все еще свежие».

Я ощущаю покалывание, слушая, как голоса препираются между собой, и снова чувствую, что они пробираются сквозь мое сознание, сквозь *меня*. Образы моего прошлого мелькают и растворяются в тумане так быстро, что я не успеваю за

ними уследить, но голоса лишь приближаются, жажда большего. Как я танцую вокруг майского дерева с Эстель, тону в Долёре перед Архиепископом, корчусь у алтаря рядом с матерью...

«Хватит. – Мой голос резко прорывается сквозь воспоминания, и голоса испуганно и пристыженно отступают. Вот и правильно. Мое сознание словно заполонили блохи. – Меня зовут Луиза ле Блан. И я определенно все еще человек. Я бы велела вам держаться подальше от моей головы, но я даже не уверена, что это моя голова, так что вряд ли такое возможно. Кто здесь совсем недавно? Кто-нибудь помнит?»

На одну благословенную секунду воцаряется тишина, а потом голоса начинают говорить одновременно, споря о том, кто здесь дольше всех. Слишком поздно я осознаю свою ошибку. Голоса давно лишены собственных личностей, теперь это общий, единый разум. Улей. Раздражение быстро перерастает в гнев. Страстно желая обрести руки, чтобы их всех передушить, я пытаюсь снова заговорить, но тут раздаётся новый голос:

«Я здесь недавно».

Другие голоса тут же замолкают, излучая любопытство. Мне и самой любопытно. Голос звучит иначе, чем остальные, он глубокий, низкий и мужской. И сказал про себя «я», а не «мы».

«Кто ты?» – спрашиваю я.

Он как будто хмурится – или хмурился бы, если бы голоса

были способны на это.

«Кажется... когда-то меня звали Этьен».

«Этьен», — отзываются эхом другие. Их шепот жужжит, как крылья насекомых. Звук сбивает с толку. Хуже того, я чувствую, как они извлекают полное имя из его воспоминаний. И из моих тоже. Этьен Жилли.

«Ты брат Габри, — говорю я, чувствуя, как накатывает ужас. Я вспоминаю, и они тоже. — Тебя убила Моргана».

Голоса почти дрожат в предвкушении, когда наши воспоминания сливаются, заполняют пробелы, чтобы нарисовать всю картину: как Николина овладела Этьеном и пошла гулять по лесу под предлогом охоты, как привела его туда, где его ждала Моргана. Как Моргана пытала его, пытала в сырой и темной пещере всего в нескольких милях от лагеря крови. И Ля-Буазен... знала об этом. Она, по сути, принесла Моргане головы Этьена и Габри на блюде с голубой каемочкой.

Отчасти я все еще не верю в это, все еще ошеломлена ее предательством. И собственным унижением. Жозефина и Николина вступили в союз с моей матерью. И хотя они мне не нравились, я никогда не думала, что они способны на такое зло. Они пожертвовали членами своего ковена ради... чего? Ради возвращения в Шато?

«Да», — шепчет Этьен.

Он знает, потому что видел все глазами Николины даже после того, как настоящий Этьен погиб. Он видел, как его собственное искалеченное тело подвесили на шесте у моей

палатки. Он беспомощно смотрел, как Моргана похитила Габриэль, чтобы обречь на ту же участь, смотрел, как моя мать мучила его сестренку, как Габи наконец сбежала с Маскарада Черепов...

Только...

Я хмурюсь. В его памяти заметные пробелы. Местами малые, а где-то и побольше. Скажем, мое участие в Маскараде Черепов. Цвет волос Габриэль. Однако пока я размышляю над этим, все пробелы заполняются. Мои воспоминания дополняют его, и наконец история почти завершена.

Несмотря на то что Этьен был, в общем-то, мертв, он видел все, словно сам находился там.

«Как? – настороженно спрашиваю я. – Этьен, ты же... умер. Почему ты не ушел в мир иной?»

«Когда Николина овладела мною, я присоединился к ее сознанию и... похоже, так и не покинул его».

«Черт возьми. – Ошеломление перерастает в ужас. – Николина овладела всеми вами?»

Я чувствую, как они снова просеивают воспоминания, собирая воедино наши знания о Николине, Ля-Вуазен и магии крови. Тьма, кажется, вибрирует от волнения, когда они обдумывают такое невероятное и немыслимое заключение. И все же... как часто Николина говорила о мышках? Габриэль упоминала, что Николина с Ля-Вуазен едят сердца, чтобы не стареть. Другие шептались о куда более темных искусствах. Понимание приходит как к ним, так и ко мне.

Каким-то образом Николина заперла их души вместе с собой в этой тьме.

«И твою тоже, – фыркает главный голос. – Ты теперь одна из нас».

«Нет. – Слова звучат так правдиво, что тьма надвигается ближе. На долю секунды я теряю дар речи. – Нет. Я все еще жива. Я в церкви, и Рид...»

«А кто говорит, что мы все мертвы? – спрашивает озорной голос. – Может, кто-то из нас все еще жив. Возможно, наши души просто раздроблены. Часть здесь, часть там. Часть везде. Твоя тоже скоро разлетится на части».

Когда тьма снова сгущается, потяжелев, придавив меня своей мощью, остальные чувствуют мою нарастающую истерику. Их голоса звучат уже не так дружелюбно, не так чопорно, не так озорно.

«Прости, Луиза ле Блан. Уже слишком поздно. Для тебя. И для всех нас».

«НЕТ!» – Я изо всех сил борюсь с темнотой, повторяя слово вновь и вновь, как талисман. Я ищу золотой узор. Что угодно. Но вижу лишь тьму. Нет, нет, нет, нет...

В ответ раздается лишь леденящий душу смех Николины.

Маяк

Рид

Первые лучи солнца озарили лицо отца Ашиля, стоявшего в дверях церкви. Он подождал, пока я разбужу остальных. Спали мы все плохо. Глаза Селии припухли, и она отчаянно пыталась придать румянец щекам. Коко зевнула, а Бо застонал и хрустнул шеей. У меня у самого болела шея, хотя Лу и пыталась ее размять. С извиняющейся улыбкой я стряхнул ее руку и указал на двери.

– Жители деревни еще час-другой будут спать, – сказал отец Ашиль, вручая нам по яблоку, когда мы проходили мимо. – Не забудьте, что я вам сказал. Главное, чтобы они вас не увидели. У шассеров недалеко отсюда застава. Вряд ли вы хотите, чтобы за вами пошли... куда бы вы сейчас ни направлялись.

– Спасибо, отец Ашиль. – Я положил яблоко в карман.

Они было неказистое и незрелое. Но все же священник был обязан нам куда меньшим. И куда меньшим с нами поделились бы другие. — За все.

Он пристально посмотрел на меня.

— Не за что.

Когда я кивнул, собираясь выйти с остальными во двор, он схватил меня за руку.

— Береги себя. Кошмары считаются предвестниками злого рока.

Я недоверчиво вскинул бровь, и отец Ашиль неохотно добавил:

— Они всегда появляются незадолго до какого-нибудь страшного несчастья.

— Да какое страшное несчастье от толпы?

— Не стоит недооценивать мощь толпы. — Бо небрежно приобнял Коко за плечи, пока они ждали меня у дерева. Туман цеплялся за края их капюшонов. — Толпа способна на ужасные злодеяния. Своими глазами видел.

Отец Ашиль выпустил мою руку и отступил назад.

— Я тоже видел. Береги себя.

Больше не говоря ни слова, он скрылся в церкви, закрыв за собой дверь.

Глядя ему вслед, я почувствовал, как в груди странно жалось.

— Увидимся ли мы вновь?

— Вряд ли, — сказала Лу.

Густой туман почти поглотил ее хрупкую фигурку. Позади нее в редеющей пелене проскользнул белый силуэт, вспыхнули янтарные глаза. Пес вернулся. Она этого не заметила и просто указала на склон холма.

– Идем?

Деревня Фе-Томб получила свое название из-за морских залежей гематита. Черные сверкающие скалы высились из моря на многие мили, принимая очертания крыльев фей – одни высокие и тонкие с паутинками серебра, другие низкие и толстые с прожилками красного цвета. Даже самые маленькие камни возвышались словно огромные бессмертные существа. Внизу волны разбивались об обломки кораблей. С тропы, по которой мы шли вдоль утеса, мачты и реи выглядели как зубы.

Селия дрожала от пронизывающего холода. Она поморщилась, когда ее нога застряла между камнями. Бо кинул на нее сочувственный взгляд.

– Еще не поздно повернуть обратно.

– Нет. – Она упрямо вздернула подбородок и высвободила ногу. Очередные камешки скатились с тропы и упали в море. – Нужно вернуть мою карету.

– Карету твоего *отца*, – проворчала Коко.

Опираясь одной рукой на отвесную скалу слева, а в другой держа Слезинку, она прошла мимо. Бо шел за ней, осторожно ступая по неровной земле. Тропинка сузилась и пошла спиралью вверх. Позади всех шел я, держа Лу за плащ.

Впрочем, мне не о чем было волноваться. Лу двигалась с кошачьей грацией, ни разу не оступилась и не поскользнулась. Каждый ее шаг был легкий и ловок.

Селия пыталась поспевать за нами, но к ее щекам уже прилип румянец, а дыхание затруднилось. Когда она снова споткнулась, я обошел Лу и прошептал:

– Бо прав, Селия. Ты можешь подождать нас в церкви, а мы разберемся с кошмаром. И потом вернемся за тобой.

– Я не буду... сидеть и ждать в церкви, – вскипела Селия. Ее подол и волосы развевались на ветру.

Проходя мимо Селии, Лу погладила ее по голове.

– Конечно, нет, котенок. – Она искоса поглядела на бушующее внизу море. – Да тебе и не стоит беспокоиться. Укотят же девять жизней. – Она сверкнула зубами. – Правда?

Я крепче сжал ее плащ и потянул назад, низко наклонившись к ее уху.

– Хватит.

– Что хватит, дорогой? – Лу вытянула шею, чтобы посмотреть на меня. Глаза широко распахнуты. Взгляд невинный. Ресницы трепещут. – Я *подбадриваю* ее.

– Ты пугаешь ее.

Она потянулась назад и провела указательным пальцем по моим губам.

– Тебе стоит больше в нее верить.

Лу вывернулась из моей хватки и прошла мимо Селии, не взглянув на нее. Мы смотрели ей вслед, каждый по-своему

тревожно. Когда Лу исчезла за поворотом вслед за Коко и Бо, Селия слегка расслабила плечи. Она глубоко вздохнула.

– Я все еще не нравлюсь ей. Я думала, может, после...

– А она тебе нравится?

Замешкавшись на секунду, она сморщила нос.

– Конечно, нет.

Я дернул подбородком, показывая, что нужно идти дальше.

– Тогда и переживать не о чем.

Селия долго молчала.

– Но... почему я ей не нравлюсь?

– Осторожно.

Я хотел поддержать ее, когда она споткнулась, но Селия дернулась в сторону слишком сильно и ударилась о скалу. Я едва не закатил глаза.

– Лу знает, что мы с тобой были близки. К тому же, – я кашлянул, – она слышала, как ты назвала ее шлюхой.

Селия резко повернулась ко мне.

– Что?

Я пожал плечами и продолжил идти.

– На праздновании Дня святого Николая она подслушала наш... разговор. Мне кажется, она восприняла все довольно спокойно, учитывая обстоятельства. А ведь могла бы и просто убить нас на месте.

– Она... она *слышала* меня? – Глаза Селии широко распахнулись от огорчения. Она поднесла руку к губам. – О нет.

О нет, нет, *нет*.

На этот раз я уже не сдержался и закатил глаза.

– Уверен, ее еще и не так называли.

– Она *ведьма*, – прошипела Селия и прижала руки к груди. – Она могла... проклясть меня или, или...

– Я тоже мог бы. – Я скривил губы в улыбке, и та, казалось, была жестче обычного. Словно высеченная из камня. Даже после того, как Лу рисковала собой, чтобы спасти Селию, та все равно считала ее врагом. Ну разумеется. – Зачем ты пошла за нами, Селия, если так презираешь нас?

Увидев выражение ее лица, я покачал головой и рассмеялся. Мрачно, холодно. Ведь не одна только Селия видела нас в подобном свете. Если бы Коко не подожгла туннели, наверняка участники Маскарада Черепов последовали бы за нами. И принесли бы свой собственный огонь? Да, так бы они и поступили, и я не мог их винить в этом. Когда-то прежде я бы и сам так сделал.

– Забудь.

– Нет, Рид, подожди. Я... я не хотела... – Селия не удерживала меня, но что-то в ее голосе заставило меня остановиться и развернуться. – Жан-Люк рассказал, что произошло. Он рассказал... о тебе. Мне так жаль.

– А мне нет.

– Нет? – Нахмурившись, она вскинула брови.

– Нет.

Я не стал больше ничего добавлять, и Селия нахмурилась

еще сильнее. Она быстро заморгала.

– О. Да... разумеется. – Резко выдохнув, Селия подбоченилась. Ее глаза снова вспыхнули тем незнакомым огоньком. – И я тоже ни о чем не сожалею. Вот так. Не жалею, что ты изменился. Что я изменилась. Ни капельки.

Селия говорила искренне, без всякой злости, и ее слова должны были ранить меня, но они не ранили. Вместо этого тревога, зудевшая под кожей, вдруг улеглась и сменилась причудливым теплом. Может быть, умиротворением? Чувством завершенности? У нее теперь был Жан-Люк, у меня Лу. Между нами все изменилось. И это... это нормально. Это *хорошо*.

На этот раз я улыбнулся искренне.

– Мы друзья, Селия. И всегда ими будем.

– Что ж. – Она шмыгнула носом и выпрямилась, с трудом сдерживая улыбку. – Как твой друг, я должна сказать, что тебе срочно нужно подстричь волосы и пришить пуговицы к пальто. А еще у тебя на горле засос. – Когда я дотронулся до нежной кожи на шее, Селия рассмеялась и обошла меня, вскинув подбородок. – Тебе стоило бы спрятать его ради приличия.

Вот она, Селия, которую я знаю.

Посмеиваясь, я встал рядом с ней. Было приятно идти рядом. Знакомо. После еще одной минуты уютного молчания Селия спросила:

– Что мы будем делать после того, как предупредим кош-

мара?

Умиротворение, которое я ощущал, исчезло, как и моя улыбка.

– Отправимся в Шато.

Селия снова потянулась к вороту. Нервная привычка. Красноречивая.

– А... а потом что? Как мы собираемся одолеть Моргану?

– Осторожно. Смотри под ноги. – Я кивнул на ямку в тропинке. И, конечно, Селия слегка запнулась. На этот раз я не потянулся к ней, и она справилась сама. – Лу хочет сжечь замок дотла. – Я снова ощутил тяжесть в груди. В своем голосе. – И всех вместе с ним.

– Как она это сделает?

– А как ведьмы делают все остальное? – Я пожал плечами.

– Тогда как это работает? Магия? – Смутившись, она опустила голову. Посмотрела на меня. – Всегда было любопытно.

– Да?

– Ой, только не надо строить из себя скромника, Рид. Тебе тоже было любопытно. – Селия деликатно помолчала. – Раньше.

Раньше. Такое простое слово. Я сохранял бесстрастное лицо.

– Это обмен. Чтобы разрушить замок, Лу придется уничтожить что-то равноценное для нее.

– И что бы это могло быть? – задумчиво спросила Селия.

Не знаю. И это раздражало. Лу не говорила никаких подробностей. Не говорила о плане. Когда мы надавили на нее, она просто улыбнулась и спросила: «Вы что, боитесь?» Бо тут же ответил: «Да». И я про себя согласился с ним. Весь ее план, или скорее его отсутствие, вызывали у меня беспокойство.

В этот миг, стоило мне вспомнить о брате, тишину пререзал его крик. Мы с Селией одновременно посмотрели наверх. Часть скалы обвалилась. Камни дождем посыпались на нас, ударив мне по рукам, плечам и голове. Острая боль пронзила меня, в глазах замелькали звезды. Невольно я оттолкнул Селию от опасности, а Бо... он...

Ужас разлился по телу, словно смертоносная змея, вскинувшая голову.

Время словно замедлилось, и я смотрел, как Бо теряет равновесие, как отчаянно машет руками в воздухе, как тщетно пытается ухватиться за что-то среди падающих камней. Я ничего не мог сделать. Никак не мог ему помочь. Рванувшись вперед, я прикинул расстояние, отчаянно пытаюсь ухватить его за руку или за ногу прежде, чем он рухнет в море...

Коко выбросила руку сквозь камнепад и ухватила Бо за запястье.

С новым криком он закачался в ее хватке как маятник. Другой рукой Бо ухватился за край скалы и попытался с помощью Коко взобраться обратно. Я бросился вперед, чтобы

помочь, сердце бешено колотилось. Возбуждение, жуткий и неподдельный страх пронесли по всему телу, ускорив мой шаг и замедлив дыхание. Когда я добежал, Коко и Бо лежали на земле и тяжело дышали. Наверху на утесе стояла Лу. Она смотрела на нас с едва заметной улыбкой, лишь слегка изогнув губы. Белый пес зарычал и исчез позади нее.

– Ты бы поосторожнее, – тихо сказала Лу и отвернулась.

Бо в изумлении уставился на нее, но она никак не отреагировала. Сев, он вытер дрожащей рукой лоб и посмотрел на руку. Скривился в уродливой гримасе.

– Вот черт. Гребаный рукав. Порвался.

Я покачал головой, тихо выругавшись. Рукав. Он едва не разбился насмерть, но беспокоится только о «гребаном рукаве». Судорожно дернувшись всем телом, я уже открыл рот и хотел сказать, куда ему этот рукав следует себе засунуть, как вдруг Коко издала какой-то странный сдавленный звук. Я посмотрел на нее с тревогой, а затем с недоверием.

Она вовсе не задыхалась.

Она смеялась.

Не говоря ни слова – ее плечи все еще тряслись, – Коко оторвала ему другой рукав. Бо возмущенно разинул рот и попытался отстраниться.

– Я бы попросил. Мне эту рубашку матушка купила!

– Зато теперь с обеих сторон одинаково. – Коко схватила его руки и засмеялась еще громче. – Твоей маме понравится, когда вы снова увидите. То есть если снова увидите.

Ты чуть не погиб. — Она хлопнула его по груди, словно они шутили о чем-то очень забавном. — Ты едва *не умер*.

— Да. — Бо настороженно вглядывался в ее лицо. — Ты повторяешься.

— Я могу пришить рукава, если хотите, — предложила Селия. — У меня в сумочке есть иголки и нити... — Она замолчала, когда Коко начала уже просто хохотать. Хохот стал мрачным. Безумным.

Бо тут же притянул Коко к себе. Ее плечи дрожали уже по другой причине. Она уткнулась ему в шею и сбивчиво всхлипывала. Одной рукой Бо обнял Коко за талию, другую положил на спину. Он крепко и яростно прижал ее к себе, шепча ей на ухо нежные слова. Я их не слышал. Да и не хотел слышать.

Я отвернулся.

Эта боль, эта ранимость Коко предназначалась не для моих глаз. Я почувствовал себя непрошеным гостем. Глядя на них, глядя, как Бо нежно укачивает ее, а Коко цепляется за него изо всех сил, я ощутил, как к горлу подкатывает комок. Всем было ясно, к чему это ведет. Коко и Бо уже много месяцев танцевали друг вокруг друга. И так же очевидно было, что закончится все горьким расставанием. Они оба не были готовы к отношениям. Слишком много боли пролегло между ними. Слишком много горя. Ревности. Злобы. Даже поладив между собой, они бы не подошли друг другу. Как вода и масло.

Я взглянул на Лу. Мы тоже не подходили друг другу.

И все же были друг для друга созданы.

Вздыхнув, я начал подниматься по тропе. Шаги стали тяжелее. Мысли тоже. Селия молча шла позади. Дойдя до Лу, я взял ее холодную руку, и мы повернулись к маяку.

* * *

Бо и Коко подошли к нам через несколько минут. Глаза Коко опухли и покраснели, но она больше не плакала и гордо расправила плечи. От дырявой рубашки Бо шел небольшой дымок, кожа во многих местах была обнажена, что вряд ли разумно в январе. Они не говорили о том, что произошло, и мы тоже.

Мы молча изучали маяк.

Он рос из земли словно крючковатый палец, указывающий ввысь. Одинокая каменная башня. Грязная. Полуразваленная. Темный силуэт на фоне рассветного неба. Огонь в чаше под наклонной крышей не горел.

– Конюх сказал, что маяк больше не зажигают, – тихо произнесла Селия.

Я не стал спрашивать, почему она шепчет. Волосы на шее у меня почему-то встали дыбом. Тени здесь, казалось, были плотнее обычного.

– Конюх много болтает. – Бо нервно на нас взглянул. Он обнимал Коко за талию. – А мы... Кто-нибудь вообще видел

этого кошмара?

– Я же сказала, – произнесла Селия, – это был огромный неуклюжий зверь с когтями и зубами и...

– Милая, нет. – Бо выдавил улыбку и вскинул руку. – Я имел в виду... – Секунду он пытался подобрать верные слова и потом пожал плечами. – Кто-нибудь еще видел кошмара? Кто не убегал при этом с криками и воплями?

Коко одарила его улыбкой. Радостной улыбкой, такой неуместной на ее мрачном лице. Вздвогнув, я вдруг понял, что вообще не помню, когда она искренне улыбалась в последний раз. Да и улыбалась ли вообще когда-нибудь? Видел ли я это? Когда Коко ущипнула Бо за ребра, он взвизгнул и опустил руку.

– У тебя у самого красивый фальцет, – сказала она. – Я уже почти забыла, как он звучит.

Коко улыбнулась еще шире, видя его возмущение и изумление, но ее храбрость казалась очень шаткой. Хрупкой. Мне не хотелось видеть, как она разбивается на кусочки.

– Помнишь ведьму на Модраните? – спросил я Бо, похлопав его по плечу.

– Мы не говорим о ней. – Он поджал губы.

– Я помню. – Коко с благодарностью на меня посмотрела, но признательность в ее глазах исчезла так же быстро, как и появилась. Она была так мимолетна, что, возможно, мне просто почудилось. – Ей очень понравилось твое выступление, да?

– Я прекрасно пою, – фыркнул Бо.

– Ты прекрасно танцуешь.

Я невольно рассмеялся.

– Помню, как Бо убегал с криками в ту ночь.

– В чем дело? – Он смотрел на нас, тревожно насупив брови и сморщив нос. – Что тут происходит?

– Она же сказала, как выглядит кошмар. – Коко не смотрела на Селию, да и вообще никак не замечала ее, но я подозревал, что только такое извинение Селия и может от нее ожидать. – Не будь ослом. Послушай ее.

Страдальчески вздохнув, Бо оглянулся на Селию. Она слегка выпрямилась.

– Прошу прощения, мадам, – пробурчал он сердито, как капризный ребенок. – Я хотел спросить, а сражался ли кто-нибудь с кошмаром? Эти знания могли бы помочь нам остаться целыми и невредимыми, и возможно, наши головы не бросят в море.

– Этого ты боишься? – Лу склонила голову, изучая Бо. С тех пор как мы добрались до маяка, она стала необычайно молчалива. Тиха. До этой минуты она все время смотрела на мрачные тени у башни. – Лишиться головы?

Хмурый Бо посмотрел на не менее хмурую Лу.

– Я... ну это вряд ли будет очень приятно.

– Но боишься ли ты этого? – настойчиво спросила она. – Видишь ли ты это в своих снах?

Бо усмехнулся, услышав ее странный вопрос, и даже не

стал скрывать раздражение.

– Покажи мне хоть одного человека, который не боится лишиться головы, и я покажу тебе лжеца.

– А что? – Коко прищурилась. – В чем дело, Лу?

Лу снова перевела взгляд на тени. Она пристально смотрела на них, словно пыталась разгадать что-то. Словно слушала молчаливый язык.

– Кошмар показывается каждому по-разному, принимая облик наших самых сильных страхов, – объяснила она небрежным и рассеянным тоном.

Мгновение прошло в ужасающей тишине, прежде чем мы осознали слова Лу.

Наши самые сильные страхи. По спине пробежал холодок от этого зловещего осознания, словно даже сейчас существо наблюдало за нами. Изучало нас. Я даже не знал, чего больше всего боюсь. Никогда не думал об этом. Никогда не говорил об этом. Кажется, кошмар сделает это за меня.

– Ты уже... сражалась с ним? – спросила Коко. – С кошмаром?

По лицу Лу скользнула хитрая усмешка. Она все еще изучала тени.

– Однажды. Давным-давно.

– И какой облик он принял? – требовательно спросил Бо. Лу метнула на него взгляд.

– Это очень личный вопрос, Борегар. А какой облик он примет для *тебя*? – Когда Лу шагнула к нему, он поспешно

отступил назад. — Лишиться головы — нет. Утонуть — нет. — Склонив голову, она подошла ближе и стала обходить Бо по кругу. Она не улыбалась. Не насмехалась. — Твой страх не так обыден, да? Ты боишься другого. Чего-то более глубинного. — Лу глубоко вздохнула, и в ее глазах промелькнул понимающий огонек.

Я схватил ее за руку и притянул к себе.

— Сейчас не время и не место, — строго сказал я. — Надо сосредоточиться на деле.

— Конечно, шасс. — Она махнула на прогнившую дверь. — Вперед.

Мы устали на дверь. Никто не двигался.

Я взглянул в деревню позади. Вдали горели десятки огоньков. Солнце уже встало. Жители собрались вместе. Скоро они отправятся к маяку.

У нас было минут тридцать — сорок пять прежде, чем они набросятся на нас. И на случайно забредшее сюда чудовище.

«Не вмешивайся. Это не твоя битва».

Я расправил плечи.

Глубоко вздохнув, я уже хотел было открыть дверь, но Селия — *Селия* — опередила меня.

На фоне темного дерева ее рука казалась меньше и бледнее. Селия не колебалась. Она толкнула дверь со всей силы, один, два, три раза, и наконец петли поддались, и дверь со скрипом распахнулась. Звук прорезал тихое утро, спугнув пару чаек с балок. Бо ругнулся и подскочил.

И Лу тоже.

Сделав еще один глубокий вдох, я вошел внутрь.

Кошмар

Рид

На нижних этажах маяка окон не было, и утреннее солнце не проникало внутрь. В помещении стояла темнота. Воздух был сырой. Затхлый. На полу валялись осколки стекла, поблескивая в узкой полоске света, льющегося сквозь приоткрытую дверь. Крошечный испуганный зверек пробежал по полу, и осколки зазвенели под его лапками.

Я пригляделся.

Зеркала. Разбитые зеркала.

Каждый осколок отражал разные части круглого помещения: ржавые крюки на стенах, скрученные на них веревки, изогнутые балки над головой. В углу стояла покрытая плесенью кровать и потускневший железный горшок. Все, что осталось от смотрителя, жившего здесь.

Я прошел чуть дальше по захламленной комнате, глядя,

как меняются отражения. Широко распахнутые глаза Селии. Открытый рот Бо. Напряженные плечи Коко.

Лу шла рядом, положив руку мне на спину.

Ничто не нарушало тишину, кроме наших шагов.

Может быть, существо уже ушло. Возможно, отец Ашиль ошибся.

Дверь позади нас захлопнулась.

Запив, Коко и Селия чуть не врезались в Бо, но тот как-то умудрился отшатнуться в сторону. Он гневно выругался. Девушки вцепились друг в друга. Я пронесся мимо них и распахнул дверь.

– Все хорошо, – твердо сказал я. – Просто ветер.

Этот же ветер, лизнувший мне щеки, донес до меня мягкий смех.

Что за?..

Сердце у меня чуть не остановилось.

Дико озираясь по сторонам, я круто развернулся. Остальные в ужасе последовали моему примеру.

– В чем дело? – Коко вынула клинок из рукава. – Ты что-то слышал?

Сердце у меня громко стучало в ушах.

– Мне показалось, что я услышал...

Архиепископа, хотел договорить я, но слова застряли в горле. Мне показалось, что я его услышал, но это невозможно. Его здесь не было. Он никогда не смеялся. И я вовсе *не боялся* его.

Я как будто снова оказался в Ля-Форе-де-Ю. Только вместо деревьев теперь надо мной насмехалось существо, превратившее мои мысли в кошмарные видения. Может быть, оно скрывалось в темноте. Селия описала его как огромного зверя, но, возможно, кошмар принял другое обличье. Мы же ничего не знали о нем и о том, на что он способен. Ничего о его аппетитах.

Я сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

«Кошмары известны своей жестокостью, но существо ни на кого еще не напало».

Жесток этот зверь или нет, но он никому не причинил вреда. А смех... лишь плод моего воображения. Механизм, который кошмар развил в себе, чтобы защищаться. Защищаться, а не нападать. Не для того, чтобы убивать, калечить или есть кого-то.

И все же я мало понимал его поступки. Когда снова раздался смех, я снял нож с плечевого ремня и повернулся на звук.

Это был вовсе не кошмар.

Это была Лу.

Медленно я опустил клинок.

Не обращая на меня внимания, Лу наклонилась и взглядела в мрак, все еще слегка посмеиваясь.

– Здесь пахнет страхом. Он сильный. Живой.

Когда мы в замешательстве уставились на Лу, она кивнула на стены.

– Неужели не чувствуете? Он покрывает веревки. – Пальцем она указала на пол. – Стекло. Все помещение пропитано им.

– Нет, – напряженно сказал я, желая придушить ее. – Я ничего не чувствую.

– Возможно, это запах *твоего* страха, а не кошмара. – Снова налетел порыв ветра, и ее улыбка растаяла. Лу наклонила голову, прислушиваясь. – И правда ощущается по-другому. Как будто... – Но она не стала договаривать и погрузилась в молчание. Затем сжала руку на моей спине. – Давайте уйдем отсюда.

Удивившись ее реакции и в то же время нет, я подошел к винтовой лестнице посреди помещения. Дерево наполовину прогнило. Я осторожно шагнул на ступеньку. Она прогнулась под моим весом.

– Мы уйдем. Но сначала предупредим существо. И попросим о помощи.

На долю секунды мне показалось, что Лу хочет возразить. Она скривила губы. Помрачнела, но тут же просветлела лицом, слегка кивнула и прошла мимо меня по лестнице.

Следуя друг за другом, мы прошли два этажа. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Останавливались мы лишь, чтобы осмотреть обветшалые комнаты, но кошмар не показывался, если он вообще здесь был.

– Что это было? – Бо посмотрел на дверь справа, откуда раздался злобный стон. – Слышали?..

Что-то скрипнуло наверху, и еще один порыв ветра пронесся вверх по лестнице. Бо оглянулся на Коко.

– Это ты?

Она окинула нас взглядом.

– С чего бы мне стонать?

Бо не ответил, а значит, он паниковал. Когда Селия остановилась и подняла что-то с прогнившей ступеньки, Бо чуть не налетел на нее. Осколок зеркала. Он поблескивал в темноте. Выпрямившись, Селия выставила его вперед как нож.

Мы посмотрели на нее, и на мгновение воцарилась тишина.

– Что? – вызывающе прошипела она, лицо ее было почти белым. – Вы же не дали мне оружия.

К моему удивлению, Коко тоже наклонилась и подняла осколок зеркала. Она взяла его в одну руку, а в другой держала свой клинок. Коко коротко кивнула Селии и толкнула локтем Бо. Он в ужасе переводил взгляд с одной девушки на другую.

– Вы что, издеваетесь? Этой ерундой вы скорее себе навредите, чем кошмару.

Закатив глаза, я сунул ему в руки свой кинжал, а сам поднял осколок. Увидев, как Селия удивленно на меня смотрит, я слегка усмехнулся.

– А что? – Я пожал плечами и пошел наверх, не оглядываясь. – Хорошая же идея.

В тишине мы прокрались на последний этаж. Дверь внизу

снова хлопнула.

— Я не жажду рыться в собственном грязном белье, — быстро зашептал Бо, — но, может, в свете обстоятельств нам стоило бы... обсудить наши страхи? — Ступенька под ним издавала зловещий стон, и он резко выдохнул. — Ну скажем, если бы кто-нибудь упомянул, что никогда даже и *не помышлял* бросить или забыть меня, было бы здорово. Да, я знаю, что никому бы и в голову не пришло такое, но все же ради...

— Тихо! — оборвала его Лу.

Лестница уперлась в дверь. Лу снова наклонила голову и, немного помедлив, открыла створку и проскользнула внутрь. Я тоже зашел, едва не придавив Лу дверью, поскольку она резко остановилась, чтобы осмотреть последний этаж — открытое пространство без всяких стен, способных защитить нас от стихии. Крышу удерживали лишь несколько балок. Солнечный свет лился отовсюду, прогоняя последние тени.

Я с облегчением вздохнул. Кошмара здесь не было. Вообще ничего не было, кроме огромной чаши для огня. Она была врезана в каменный пол. Чаша пустовала — ни дров, ни пепла. Только...

Лу стояла совершенно неподвижно. Ветер трепал ее белые волосы.

Только чаша вовсе не пустовала.

Огромная фигура выросла из нее.

Закутанное в грязное полотнище, существо бросилось к

нам, протянув почерневшие руки. Я кинулся к Лу, но она уже отскочила, двигаясь молниеносно. Когда она ударила клинком существо и рассекла ему брюхо, то попятилось, словно огромный медведь. Капюшон скрывал его лицо, волосы, зубы. Массивной лапой зверь ударил Лу и подбросил ее в воздух. Я бросился к ней и поймал за руку, когда она едва не упала с маяка. Остальные тут же кинулись на существо, их клинки и осколки зеркал сияли на солнце.

– Стойте! – Ветер подхватил и унес мой крик. – Не трогайте его! Мы же хотели *предупредить* его, а не... да *стойте же!*

Кошмар отступил назад с поднятыми руками, но, когда Коко полоснула ему по бедру, он зарычал и без всяких колебаний отбросил ее осколок. Она двигалась словно в танце вдали от него, но наконец он схватил ее за шею... и на меня нахлынул ужас.

Хотя Лу предупреждала нас об этом, ничто не смогло бы подготовить меня к такому жуткому страху. К такой боли. В глазах все побелело. Слепший, я поскользнулся и упал на колено. Судя по испуганным крикам, остальные испытывали то же самое.

Темное помещение, оковы еще темнее. Холод по коже. Кровь мерно капает из запястий. Я считаю каждую каплю. Каждый час она приходит вновь. Три тысячи шестьсот секунд. Три тысячи шестьсот капель. Когда падает три тысячи пятьсот шестьдесят вторая, дверь скрипит, и я сдер-

живую крик. Пила. Ручная пила. Она подносит ее к свече. «Интересно, оно заключено в твоих костях? Как у остальных?»

Когда безликая женщина направилась ко мне, я упал и уперся руками в пол. Хватая ртом воздух. Тряся головой. Силясь увидеть реальность, а не блеск кости. Корчащуюся рядом со мной Лу, свернувшуюся клубком Коко, лежащего на спине Бо, дрожащую Селию с широко распахнутыми глазами.

Я метнул осколок зеркала, и он вонзился острием в плечо существу. Вскочив на ноги, я выхватил кинжал из плечевого ремня. Кошмар не отступал. Из груди у него вырвался рокот, но я не обратил на это внимания и приблизился. Остальные тщетно пытались присоединиться ко мне. Но мы не успели добраться до существа – нас снова накрыла волна ужаса.

Один. Я один. Где он? Где он, где он, где он, где он...

Стиснув зубы, я шел вперед, сбитый с пути, спотыкающийся о мерцающую белизну, словно пьяный.

«Говори. – Высокий властный голос. Ее голос. – Или я вырву глаза твоему брату. Достойное наказание, так? Ты онемел из-за него. Теперь же от моей руки он ослепнет». Но я не могу говорить. Я одурманен. То самое снадобье... Оно сгущается в моем теле. Оковы на шее душат. Застонать. Я пытаюсь застонать, но она лишь смеется. Его крики разрывают воздух. Его мольба.

Господи.

Что-то здесь неладно. Я не боялся пыток. Я не был немым...

Перед глазами замелькали новые образы. Осколки, рваные куски ужаса. Распухшая челюсть. Неутолимый голод. Пустые шприцы, жгучая боль от заражения. Леденящий душу смех и черствый хлеб. И сквозь все это острая, невыносимая паника.

Где он, где он, где он, где он...

Волчий вой.

Эвкалипт.

Волосы, серебристые как лунный свет.

Серебристые волосы.

Я быстро заморгал, и мое зрение прояснилось. У Лу тоже. С пронзительным боевым кличем она бросилась вперед, вскинув кинжал. Я ухватил ее за талию и оттеснил от кошмара. Кошмар яростно размахивал руками, словно... словно пытался что-то сказать. Внутри у меня все скрутило.

– Стойте. Мне кажется... он...

Неуклюже и дергано кошмар откинул капюшон.

Я уставился на существо.

Вопреки описанию Селии, у кошмара не было потемневшей кожи и острых зубов. Да, его волосы были спутаны, но глаза внушали больше страха, чем его прозвище. От вида его сломанной челюсти внутри у меня закипела ярость. Я перевел взгляд на его разодранное бедро, ярко-алые полосы от болезни на бурой коже. На штаны, заляпанные кровью. Кош-

мар был избит. Очень сильно.

И это был вовсе не кошмар.

Это был Тьерри Сен-Мартен.

Лу извернулась из моей хватки и снова кинулась на него.

Изумившись, я поймал ее.

– Лу, прекрати. *Хватит*. Это же...

– Отпусти, – вскипела она, яростно вырываясь. Неистово.

Словно обезумев. – Дай мне убить его...

Неожиданно меня захлестнул гнев. Сжав Лу покрепче, я притянул ее к себе.

– Стой спокойно. Снова просить не буду. Это Тьерри.

Помнишь его? Тьерри Сен-Мартен.

Услышав свое имя, Тьерри с облегчением прислонился к каменной чаше. Я почувствовал, как он проник в мое сознание, увидел свое собственное лицо, а потом он сказал лишь одно: «Ри-и-ид».

Я отбросил желание подойти к нему и обнять за плечи, чтобы поддержать. Казалось, он вот-вот рухнет в обморок.

Пытаясь успокоить его, я тихо проговорил:

– Я здесь. Все хорошо. Лу узнала тебя. Да, Лу?

Наконец она перестала вырываться, и я отпустил ее.

– Да, – тихо ответила Лу, смотря то на меня, то на Тьерри.

Я стоял неподвижно, настороженно глядя в ее глаза, в которых горел странный огонек – дикий и яркий, как у зверя, загнанного в угол.

– Да, я узнала его.

Затем она развернулась и бросилась прочь.

* * *

Врезаясь в других, расталкивая их, Лу кинулась к двери. От удара Селия отлетела назад, но Коко ухватила ее за локоть прежде, чем она упала бы с лестницы. Ругаясь на чем свет стоит, Бо осыпал Лу оскорблениями, но та не остановилась. Тени сомкнулись вокруг нее, когда она скрылась из виду.

Тьерри поднял вялую руку. Два пальца были сломаны. Пытаясь сосредоточиться, он заговорил медленно, но настойчиво: «Пойма-а-айте... ее».

Я не медлил. Не колебался. Не стал размышлять о той решимости, которая вдруг наполнила меня. Пламенное чувство правильности, справедливости показалось мне знакомым. И потому тревожным.

Лу неестественно быстро сбежала вниз по лестнице и почти добралась до первого этажа. Еще пара секунд, и она окажется за дверью.

– Лу! – с неожиданной яростью крикнул я.

Я не понимал, почему стиснул зубы и почему у меня дрожат руки. Не понимал, зачем мне вообще ловить Лу. Но я должен был поймать ее. Это казалось жизненно необходимым, как дыхание. Бо не ошибся – творилось что-то странное. Что-то совершенно неправильное. И это не было связано с магией, смертью Анселя или скорбью.

Словно плод, сгнивший на солнце, Лу треснула, и нечто омерзительное проросло в ней.

Возможно, с ней что-то произошло на Маскараде Черепов. А может быть, до или после. Уже не важно. Что-то уже случилось, и, хотя мое чутье пыталось предупредить меня, я не обращал на него внимания. Теперь чутье подгоняло меня вперед. Быстрее и быстрее. Чутье говорило, что, если Лу выбежит за дверь и скроется за скалами, больше я никогда ее не увижу. Не бывать этому. Если бы я только сумел поймать ее, *поговорить* с ней, я бы смог все исправить. Я бы смог исправить *ее*. В этом не было никакого смысла, но все же было. Внезапно эта погоня стала важнее всего в моей жизни. Я был готов поверить чутью.

Когда Лу пробежала последнюю ступеньку, я сделал глубокий вдох.

Затем ухватился за перила винтовой лестницы и перемахнул через них.

Я со всей силой прыгнул на пол, и в ушах заревел промозглый ветер. Глянув на меня широко распахнутыми глазами, Лу метнулась к двери.

– Бл... – Ругательство переросло в крик, когда я кинулся на нее и толкнул на пол.

Лу перевернулась на спину и вцепилась мне в лицо, в глаза, но я перехватил ее руки и прижал их к полу. Она все металась и брыкалась, но я сел на нее верхом. Осколки зеркал впивались мне в колени, пока мы боролись. Однако под

моим весом Лу перестала дергаться и замерла. И тут вдруг ударила меня головой в челюсть. Стиснув зубы, я прижался лбом к ее лбу.

– Прекрати, – прорычал я, прижимаясь к ней. – Да что с тобой *такое*? Почему ты побежала?

– Кошмар. – Лу вырывалась все сильнее, тяжело дыша. – Существо... превратилось в... в Тьерри...

Ложь застряла у нее в горле, когда Тьерри, прихрамывая, подошел в нам. В осколках зеркал отражалась его жгучая, лютая ненависть. Его раны. Коко подошла к нам и опустилась на пол. Она поднесла окровавленную руку ко рту Лу. Ее молчаливая угроза была понятна.

– Не вынуждай меня, Лу.

Я чувствовал, как грудь Лу быстро вздымается и опускается. Поняв, что проиграла, она обнажила зубы в сладкой улыбке.

– Вот как ты обращаешься с подругой, Козетта? С сестрой?

– Почему ты побежала? – повторила Коко. Она без всякой теплоты смотрела на свою подругу. Сестру. Глаза Коко блестя ледяным холодом. Казалось, они с Лу совершенно чужие люди. Скорее даже враги. – Почему ты напала на него?

– Мы все напали на него, – усмехнулась Лу.

– Но остановились, когда увидели его лицо.

– Он напугал меня. Только посмотри на него...

Тьерри сжал руки в кулаки. Бо поморщился, увидев его

фиолетовые пальцы.

– Может, вернемся в часовню и раздобудем припасы? – предложил он. – Тебе бы целителю показаться...

«Она-а-а...» – напряженно оборвал его Тьерри. Его голос раздавался лишь в наших мыслях.

Селия охнула, когда почувствовала вмешательство в свой разум. Дикими глазами она смотрела то на меня, то на Тьерри.

– Она – кто? – спросил я. – Что с тобой произошло?

Мой голос гулким эхом отдавался в обветшалом маяке. В разбитых зеркалах отражались мои покрасневшие щеки и напряженная шея. Вид у меня был дикий. Словно я напрочь потерял самообладание.

– Где ты был?

Но, похоже, Тьерри не мог ответить. Перед глазами стремительно замелькали образы, один бессвязнее другого. Когда он мрачным многозначительным взглядом посмотрел на Лу, внутри у меня все оборвалось. Руки похолодели. Чувствуя тошноту из-за волнения и сожаления, я процедил сквозь стиснутые зубы:

– Скажи мне, Тьерри. Прошу.

Он застонал и привалился к перилам.

«Она».

Селия замотала головой, словно пыталась отогнать назойливую муху, однако его голос из головы она выкинуть не могла. Не могла противиться его магии. Ошеломленная, она

пробормотала:

– Но... но как Луиза связана с... – Селия посмотрела на его раны и поспешно отвернулась. – С твоими злоключениями?

– Он не может тебе ответить. Пока нет. – Коко свирепо смотрела на Лу. – Он изможден и изранен. Ему приходится использовать много магии, чтобы говорить.

– Его... Ты думаешь, его пытали?

– Да.

– Но зачем? – ужаснувшись, спросила Селия. – Кто его пытал?

– На твой последний вопрос он ответил. – Коко прищурилась.

Мы разом повернулись к Лу, но та пристально смотрела на Коко. Они изучали друг друга, казалось, целую вечность. Совершенно бесстрастно, не моргая, и в конце концов Лу медленно скривила губы в жуткой ухмылке.

– Сошлись дороги двух принцесс, золотой и ярко-алой, – пропела она одновременно знакомым и незнакомым голосом. – Во мрак их завела тропа, и золотой не стало.

От ее странных слов по спине у меня пробежал холодок. От ее улыбки и глаз. Что-то промелькнуло в ее взгляде, когда она посмотрела на нас. Что-то... зловещее. Ее глаза мерцали словно серебро, как...

Как...

Разум не желал признавать правду.

Лу хихикнула.

Отпрянув, Коко сдавленно ругнулась.

– Нет, – выдохнула она и сорвала с шеи кулон своей матери. – Нет, нет, нет... – Повторяя это слово как мантру, Коко провела кулоном по окровавленной руке. Тот на мгновение вспыхнул алым и с щелчком открылся. Она протянула его мне. – Подними ее. Скорее подними!

Я поспешно подчинился, но Лу молниеносно, словно гадюка, вцепилась зубами в мою щеку. С ревом я отшатнулся. Она вскинула колено и с невероятной силой ударила меня в пах. Я тут же согнулся пополам, чувствуя жгучую боль. Перед глазами заплескали звезды, и меня захлестнула тошнота. Смутно я слышал, как Лу вскочила на ноги, но не мог пошевелиться. Не мог даже дышать.

Селия слегка ткнула меня сапогом в ребра.

– Вставай, – сказала она тихо и испуганно.

Хрустнуло стекло, позади меня кто-то упал. Селия снова пихнула меня.

– Она убегает. Вставай!

Застонав, я с трудом поднялся. Внизу все болело, но я метнулся к Тьерри и Бо, которые силились удержать Лу в дверях. Она плевалась и шипела, пока Коко пыталась влить ей в рот кровь. Пока Бо и Тьерри держали ее с обеих сторон, я схватил Лу сзади за талию и сжал ее волосы в кулаке. Затем запрокинул ей голову. Коко, не мешкая, обмазала Лу кровью губы.

Лу закричала и тут же схватилась за рот. На месте крови вскочили волдыри.

— Что это? — закричал я. Желудок скрутило от страха, стыда и предательской *решимости*. Лу я так и не отпустил. — Что ты сделала?

— Я думал, твоя кровь просто утихомирит ее. — Бо говорил с таким же испугом в голосе, как и я. Он с ужасом смотрел, как Лу согнулась пополам и обмякла в наших руках.

Коко отступила назад. В ее глазах сверкало удовлетворение.

— Кровь врага — яд.

«Кровь врага — яд».

Бессмыслица. Нелепица. И все же...

Нутром я уже чувствовал, что происходит, но разумом еще не понимал.

Бо затряс Лу с нарастающей тревогой, его дыхание участилось. Лицо покраснело.

— Что за хрень такая? — Он затряс ее сильнее. — Она что... Мы ее?..

В ответ Коко вскинула Лу подбородок, и та приоткрыла трепещущее веко.

«Она не умерла».

Я повторял эти слова про себя, пытаюсь успокоить яростное биение сердца и не обращать внимания на растущий страх.

«Она не умерла. Она не умерла. Она не умерла, просто...»

– Ты сам говорил, что с ней что-то не так. – Коко подняла с пола кулон. Лу дернулась в ответ. – Сам говорил, что это не связано со скорбью.

– Но не травить же ее из-за этого, – с сомнением ответил Бо. – Она все еще Лу. Все еще моя сестра.

– Нет. – Коко яростно замотала головой. – Вовсе нет.

Она поднесла зеркальце к Лу, и жестокая правда наконец открылась нам: я сжимал в руке не белые волосы, а черные. Талия, которую я держал, тоже оказалась иной. Хотя я не чувствовал костей, в отражении видел каждое ребро. Ее кожа выглядела болезненной. Мертвенно бледной, а не гладкой, золотистой и веснушчатой. И сколько же на ней было шрамов.

Пульс у меня замедлился и стал вялым, когда я осознал истину. Горькую, словно яд. Я ощутил холодное прикосновение этого яда, ощутил, как он твердой коркой покрывает мое сердце. Как он скользит по спине, ногам, высасывая из меня силы. Ноги у меня подкосились, и я рухнул на пол вместе с Лу. Ее голова покоилась у меня на коленях. Я уставился на ее расслабленное лицо. Круги под глазами Лу стали еще темней. Щеки еще больше заострились. Она боролась с совершенно другим ядом. С другим недугом.

С Николиной ле Клер.

Сквозь лед прорвался огонь и, как лава, расплавил все на своем пути. Руки у меня затряслись, стало трудно дышать.

– Вытащи ее, – прорычал я.

Нет розы без шипов

Рид

В ответ Коко метнулась к двери и распахнула ее. Солнечный свет залил обветшалое помещение. Однако солнце не помогло разогнать тени. Оно лишь преломилось радугой в разбитых зеркалах, а зеркала... обманывали взгляд. Они отражали Лу.

Но это была не она.

– Вытащи ее, – повторил я, обнимая мнимую Лу. И обхватил ее еще крепче, заслонил собой, защищая от ее же собственного отражения. Она не шевелилась и стала даже холодней прежнего. Ее сердце билось очень слабо. – Вытащи ее сейчас же!

– Нужно уходить. – Коко подбежала ко мне, взяла за руку и попыталась поднять на ноги. Снаружи раздались сердитые голоса, эхом прокатившиеся по скалам. Селяне уже наступа-

ли.

– Они придут с минуты на минуту. – Коко обернулась к Тьерри. – Здесь есть черный ход?

С огромным трудом, но Тьерри кивнул. Он все еще не мог говорить и просто указал на кровать. Бо тут же отодвинул ее. Груда веревок и ржавых горшков закрывали лаз. Отпихнув их в сторону, Бо ухватился за железную ручку.

– Слава богу, у тебя есть карета, Селия.

– Ну... на самом деле я... – Она в отчаянии заломила руки и поспешно договорила: – Ось сломалась о камни.

Бо круто развернулся и уставился на нее.

– Что?

– Ось полностью разломана. На экипаже уже не уехать.

– Но ты же сказала, что у тебя есть карета! – Бо дернул за ручку с новой силой. – Подразумевалось, что она на ходу!

Селия топнула ножкой, не сводя с двери испуганного взгляда.

– Да, но тогда вы бы не позволили мне пойти с вами!

– Объясни, – проговорил я онемевшими губами и посмотрел на Коко, не обращая на них внимания. Голос у меня дрожал. – Прошу.

Коко опустилась рядом на колени и провела рукой по лбу Лу. Выражение ее лица смягчилось.

– Медальон отражает правду. Он не может лгать.

– Как?

– Я же говорила. Зеркальце сделано из вод Лё-Меланко-

лик. Воды обладают магическими свойствами. Могут исцелить или навредить. – Вытянув шею, Коко посмотрела за распахнутую дверь. Солнце уже взошло. Времени не оставалось. – Но они всегда говорят правду.

Я медленно и растерянно покачал головой. Голоса зазвучали громче. Жители появятся на горизонте в любую секунду.

– Нет, я имел в виду, как она... как она оказалась внутри... – Но договорить я не смог. Слова застряли в горле. Я снова бросил взгляд на Лу. На волдыри, вскочившие на ее губах. От отвращения к самому себе желудок у меня скрутило. Все это время я ничего не замечал. Как я мог не заметить?

– В гримуаре моей тетки есть одно заклинание, – поспешно ответила Коко. Уже можно было различить отдельные голоса и слова. Она снова попыталась поднять меня. – Чтобы вселить душу в чужое тело. Древняя магия.

Вселить душу. Я закрыл глаза.

– Моя тетка предала нас, – мрачно сказала Коко.

– Но почему? Мы же пообещали ей Шато...

– Моргана, видимо, тоже.

– Помочь не хотите? – пропыхтел Бо.

Я резко открыл глаза. Селия бросилась к Бо.

– Но это какой-то бред, – твердо заявил я. – Зачем ей вступать в союз с ведьмой, которая постоянно притесняла ваш ковен?

Петли скрипнули, когда Бо и Селия наконец открыли люк. В ответ голоса снаружи зазвучали еще громче, решительно и взволнованно. Ни я, ни Коко не пошевелились, и Бо отчаянно замахал рукой, указывая на подземный тоннель.

– Пойдем?

Коко замешкалась на секунду и кивнула. Селия медлила дольше.

– А это точно не опасно? – Она с нескрываемым ужасом вглядывалась в темный проем, вытаращив глаза. – В прошлый раз...

Но Коко прямо на ходу схватила Селию за локоть, и обе они исчезли в туннеле. Бо отпустил деревянную крышку люка, и та с грохотом упала на дощатый пол. Он помог Тьерри залезть внутрь. Грудь Тьерри вздымалась при каждом вдохе и шаге. Было совершенно ясно, что он слабеет. Бо отправил Тьерри вслед за Коко и обернулся ко мне.

– Идем.

– Но Лу...

– Умрет, если мы останемся здесь. Селяне тут камня на камне не оставят. – Он протянул руку. – Пойдем, братец. Если погибнем, ничем ей уже не поможем.

Он был прав. Я подхватил Лу и залез в туннель.

Бо последовал за мной. Он неуклюже просунул руку в щель между крышкой и полом и придвинул кровать на место. А затем тихо и гневно выругался, когда крышка хлопнула его по пальцам. Не прошло и секунды, как над головой

у нас раздался громкий топот. Задерживаться мы не стали и молча побежали вслед за Коко и Селией.

Туннель заканчивался примерно в миле от утеса, где каменная тропинка вела к пляжу. Черный песок поблескивал в лучах утреннего солнца, скалы Фе Томб причудливо и зловеще нависали над нами. Словно разумные существа. Вздвогнув, я положил Лу на песок. Я старался держаться в тени скал. Если бы селяне посмотрели вниз в поисках своего кошмара, они бы нас не увидели и не спустились бы сюда с факелами и вилами.

Я обернулся к Коко, которая уже доставала мед из сумки. Она осторожно накормила им Тьерри, а затем поднесла руку к его губам. Он сделал пару глотков, и синяки на его лице тут же исчезли. Судорожно вздохнув, Тьерри рухнул на камни. Он потерял сознание, но я знал, что с ним все будет хорошо. Тьерри поправится.

И Лу тоже.

– Исправь все, – велел я тоном, не терпящим возражений. – Исцели ее.

Коко взглянула на Лу, а потом начала рыться в сумке. Ее лицо было спокойным, однако взгляд и губы оставались напряженными.

– Ее нельзя исцелить. Она одержима. Николина...

– Так изгони Николину прочь! – закричал я, чувствуя ярость и беспомощность.

Коко выпрямилась и молча посмотрела на меня с укором.

Я обхватил голову руками. Стиснул волосы, стал дергать и рвать их, лишь бы унять жгучую боль в груди. Щеки вспыхнули от стыда.

– Прости. Я не хотел. Прости меня. Только прошу... Изгони Николину. Пожалуйста.

– Не все так просто.

– Очень даже просто. – Теперь в моем голосе звучало отчаяние.

Я опустил руки и развернулся на каблуках. Зашагал туда-сюда. Один, два, три, четыре, пять, шесть. Я шагал все быстрее и быстрее, протаптывая неровную дорожку на песке.

– В Книге Марка Иисус изгнал демонов в шесть тысяч свиней...

– Мы не в Библии, Николина не демон, а я не сын *гребаного* Бога. – Коко развела руками, слегка поморщившись, затем махнула на песок и волны. – Ты тут где-нибудь видишь свиней?

– Я просто говорю, что ее можно изгнать, – процедил я сквозь зубы. – Нужно только понять как.

– А что случилось с теми, из кого Иисус изгнал демонов?

– Что за глупый вопрос. Они *исцелились*.

– Неужели? – Глаза Коко вспыхнули. Она вынула из сумки пузырек с кровью. – Тело человека предназначено лишь для одной души, Рид.

Я развернулся к ней и вскинул руки.

– О чем ты?

– Все кончится не так, как нам хотелось бы, – отрезала Коко. – Даже если каким-то *чудом* мы изгоним Николину, Лу уже не будет прежней. Она *коснулась* чужой души, и вовсе не в символическом смысле, как в каком-нибудь сонете. Она действительно коснулась души Николины, разделила с ней тело. Я не знаю, выживет ли Лу после такого.

– То есть... ее душа может оказаться...

– Раздроблена. Да. – Коко упала на колени перед Лу, в волосы которой забился черный песок. Я тоже сел рядом и смахнул песчинки с волос Лу. – Часть души может уйти вместе с Николиной, а может и вся душа целиком. Или... – Она откупорила пузырек, и едкий запах крови ударил мне в нос. – Может, Лу уже и нет. Она и так была плоха, иначе Николина не смогла бы овладеть ею. Ее дух ослаб. Он сломлен. Если мы изгоним Николину, Лу может... – Коко судорожно вздохнула. – Превратиться в пустую оболочку.

– Но ведь мы не знаем этого точно, – яростно возразил я.

– Сейчас в тебе говорит невежество.

– Во мне говорит *надежда*.

– Поверь, я тоже хочу, чтобы с Лу все было хорошо. – Коко покачала головой с отвращением. Нет, с жалостью. Она жалела меня. Я до боли стиснул зубы. – Хочу, чтобы Николина просто отпустила Лу, а та открыла глаза, усмехнулась и попросила чертовых булочек в карамели. Хочу притвориться, что не было этих трех месяцев. А то и трех лет! – Голос ее сорвался, маска спокойствия слетела, но Коко не ста-

ла прятаться или отворачиваться от меня. Даже когда по щекам ее побежали слезы и все чувства отразились в ее глазах. Все тайные страхи. Коко снова заговорила, но уже ровным голосом: – Ты просишь меня не терять надежды, Рид, но я не могу больше за нее держаться. И не буду. Слишком долго я надеялась, слишком много ждала. Надоело. Чего ради? Мать меня бросила, Ансель погиб, тетка предала меня. Самый близкий мне человек теперь *одержим*. – Коко горько улыбнулась сквозь слезы и дым, который поднимался от песка. Она поднесла пузырек к губам Лу. – Зачем мне надеяться?

Коко взмахнула рукой, но я ухватил ее за запястье. Развернул к себе и заставил посмотреть мне в глаза.

– Затем, что она самый близкий тебе человек.

Коко уставилась на меня и крепче сжала пузырек.

– Отпусти.

– Что ты делаешь?

– Исцеляю ее. – Коко выдернула руку и яростно утерла слезы. – Потому что себя, видимо, я исцелить не способна. Мне тошно тешить себя надеждой, но и не надеяться я не могу. Надежда живет во мне, даже теперь. Отравляет меня.

Коко посмотрела на Лу, и ее слезинка упала той на шею. Прямо на шрам. Вместе мы молча и встревоженно смотрели, как слеза шипит на ее коже и превращает белесый шрам в нечто иное.

В лозу с шипами и розами.

Шрам все еще был сероватым и плотным, но теперь выглядел изящно и замысловато. Не как увечье, а скорее как произведение искусства.

Таким он и был по сути.

Позади Селия тихо и удивленно ахнула:

– Il n'y a pas de roses sans épines.

Нет розы без шипов.

Коко ничего не сказала, лишь посмотрела на шрам пугающе отсутствующим взглядом. Я не смел дышать. Коко моргнула. Снова. На третий раз в ее глазах вспыхнула твердая решимость. Я едва не разрыдался.

– Моя кровь отравила Лу, потому что в нее вселилась Николина, – сказала Коко. – Ею Лу не исцелить. – Она вскинула пузырек. – Мы используем кровь моей тетки. Николину она не изгонит, но обезвредит действие моей крови. Ее кровь сильна. Сильнее всего на свете, и найти ее не так-то просто. Я стащила фиал из палатки в лагере. – Коко очень жутко ухмыльнулась. – Уверена, тетя не против.

Коко приоткрыла Лу рот и влила туда весь пузырек. А затем и мед.

К щекам Лу тут же прилил румянец, дыхание участилось. Волдыри на губах исчезли. Но изменившийся шрам остался. Если приглядеться, казалось, будто он... колышется на ветру. Я невольно потянулся к нему, желая дотронуться, но кашель незаметно подошедшего Бо отпугнул меня.

Я опустил руку.

– А что будет, когда она очнется? – спросил Бо.

– Изгоним Николину. – Ухмылка Коко исчезла.

– Как?

В ответ воцарилось молчание. Волны набегали на черный песок. Одинокая чайка кричала над головой.

– Ты сказала... – наконец заговорила Селия. – Ты сказала, что медальон моего отца...

– *Моей матери*, – поправила ее Коко.

– Да, конечно. – Селия поспешно закивала, изо всех сил делая уверенный вид. – Т-ты сказала, что магия медальона, показавшего нам истинное лицо Николины, исходит из вод Лё-Меланколик.

– И?

– И еще сказала, что воды могут исцелить.

– Как и навредить. Лё-Меланколик полон слез сумасшедшей. – Коко поднялась и убрала пузырьки в сумку. Я сидел рядом с Лу, глядя, как опускается и вздымается ее грудь. Ее веки подрагивали. – Воды переменчивы и капризны. Они могут как исцелить Лу, так и убить ее. Рисковать нельзя.

Я сделал пару вдохов, и меня внезапно осенила идея. Я бросил взгляд на Селию. Пустые ножны в ремне прямо у сердца ощутимо потяжелели. С самого Модранита я не замечал их пустоты.

– Селия, нам нужна балисарда. – Я вскочил на ноги и метнулся к ней. Песок разлетелся в разные стороны. – Ты можешь связаться с Жан-Люком?

В ответ она забормотала что-то неразборчивое и с живым интересом посмотрела на свой ботинок.

– Если ты попросишь его принести нам балисарду, мы могли бы...

– Могли бы что? – озадаченно спросил Бо. Селия наклонилась поднять выбеленную ракушку, пряча лицо. – Вырезать из Лу Николину?

– Нужно будет просто надрезать кожу, – сказал я, быстро соображая. Да. Да, это могло сработать. Я выхватил ракушку из рук Селии и отшвырнул ее прочь. Селия глядела ей вслед с несчастным выражением лица, отказываясь смотреть на меня. – Балисарды рассеивают чары. Можно было бы изгнать Николину...

– А как глубоко придется резать, братец? – насмешливо спросил Бо, небрежно вскинув руку. – Хватит легкого пореза или нужно будет пронзить сердце?

Я бросил на него свирепый взгляд и сжал руки Селии.

– Напиши ему, Селия. – И в новом порыве вдохновения я обернулся к Коко. – Ты могла бы магией отправить ему письмо, как тогда своей тете из Ямы.

– Отправить магией письмо в Башню шассе-ров. – Коко закатила глаза. – Жан-Люка сразу же отправят на костер.

Селия попыталась вырвать руки. Сначала нежно, потом уже резко. Она неохотно посмотрела мне в глаза.

– Это неважно. Он не придет.

– Что за ерунда, он же без ума от тебя...

– Нет, Рид, – твердо сказала она. – Конклав собрался в Цезарине, чтобы избрать нового Архиепископа. Именно поэтому Жан не пошел со мной. Священники и сам король потребовали его присутствия. Он не сможет прийти к нам. Не ради такого. Не ради Лу. Прости.

Секунду я смотрел на нее.

Не ради такого. Не ради Лу. Ее уверенный тон разрушил мои надежды и глупую веру в лучшее. Селия... нам отказала? То есть это не так важно, как церковный конклав? Да ведь это повлияет на судьбу королевства даже больше! Лу была не единственной фигурой на шахматной доске, но самой важной. Только глупец бы этого не понял.

Жан-Люк глупцом не был. Впрочем, как и Селия.

– Лу рисковала всем ради тебя, – сказал я холодно, чувствуя, как лед сковал меня изнутри.

Селия удивленно моргнула. Открыла и закрыла рот, словно рыбка.

– Но... Рид, я благодарна Лу! Я знаю, что она поступила отважно и спасла меня, но... – Покраснев, она наклонилась чуть вперед и зашептала так, будто собиралась сказать что-то непристойное: – Рид, она же *ведьма*. Если бы была хоть малейшая возможность, что Жан-Люк откажется от своих обязанностей и клятвы шассера, я бы, конечно, его попросила, но...

– Но мы же ведьма, – весело захихикала Николина и села на песке. – Так что ты даже спрашивать не станешь. Жаль.

Как же тебя жаль. Жаль тебя, прелестная фарфоровая куколка.

Я заломил Николине руки за спину, крепко держа за запястья. Бо подошел, готовый помочь, если она попробует вырваться. Но она не пыталась. Просто безмятежно смотрела на Коко, сидевшую перед ней на корточках.

– Bonjour, notre princesse rouge³. Выглядишь ужасно.

– А ты выглядишь куда лучше, чем прежде.

– О да, мы знаем. – Улыбаясь губами Лу, Николина оглядела саму себя. – Этот облик нам идет.

В груди у меня тут же поднялся жар. «Этот облик».

– Лу тебе не наряд какой-то, – прорычал я, сжимая ей запястья, да так крепко, что мог бы сломать их.

Это было напрасно, но совладать с собой я не мог. Я хотел причинить Николине боль и, если нужно, изгнать ее силой. Николина рассмеялась в ответ, запрокинула голову и прижалась ко мне спиной, а я лишь стиснул руки. Еще секунда, и я просто раскрошу ее кости. Еще лишь одна секунда. Только одна.

Николина застонала от удовольствия.

– Да, Рид, да. – Она облизнулась и положила голову мне на плечо. – Сделай мне больно. И этому телу. Моему наряду. Мы насладимся болью. Будем смаковать каждый синяк.

Я тут же отпрянул. Руки у меня дрожали, в ушах стучала кровь. В мгновение ока Бо схватил Николину за руки. Она

³ Здравствуй, наша алая принцесса (фр.).

повернулась и уткнулась ему в грудь лицом. Бо сжал губы.

– М-м-м, *принц*. Однажды мне довелось попробовать твоего двоюродного брата.

Коко схватила ее за подбородок и силой заставила посмотреть ей в глаза.

– Все подобные игры допустимы только по обоюдному согласию, Николина. Так или иначе, но мы вытащим тебя из тела Лу. Игрой это не будет, и согласия твоего спрашивать мы не станем. Но боль я тебе обещаю.

– Да? Ну и как же вам поможет священный капитанский ножик? Он будет тыкать, резать кожу...

– Тыкать тебя никто не будет, – оборвал ее Бо. – Ни ножиком, ни чем-либо еще. Никакого ненужного насилия, – добавил он, многозначительно глядя на меня и Коко. – Николина может быть, ну, Николиной, но она прячется в Лу. Кто знает, что видит и слышит Лу? Что она чувствует?

– Она мертва – мои слова. Мои слова – она мертва, – снова засмеялась Николина. – Не стало девы золотой, навек теперь сей облик мой...

Не обратив на нее внимания, я сделал глубокий вдох и кивнул. Лу не мертва. Нет. Прогоняя жгучую ярость, я снова взял Николину за запястья. Испытывая отвращение к ней и к самому себе, я потер ее раздраженную кожу пальцами. Это Лу. И Николина тоже. Они не могли быть одним целым, и все же были.

Золотой узор обвил наши руки. Медленно и осторожно я

напитывал его, пока красная пелена перед глазами не исчезла. Мой гнев утих, а вместе с ним исчезли и алые пятна на запястьях Лу. Вдруг меня осенило. Я не мог исцелить ее балисардой, но, может, я смогу исцелить ее магией. Я закрыл глаза и, затаив дыхание в надежде, призвал золотую сеть в поисках ответа или чудодейственного средства. Чего угодно, что помогло бы изгнать Николину. Узоры извивались и изгибались в ответ, но безо всякой связи. Они лишь расплывались в ничто. Досадую, я начал изучать каждый узор. Я готов был заплатить любую цену, но ничего не ощутил от них. Ничего не мог получить или отдать. Узоры были бесполезны. Я бездумно дернул за один из них и щелкнул пальцами. Узор не рассеялся, а лишь безвольно упал мне на руку.

Я снова сосредоточился, на этот раз сильнее, и попробовал еще раз. Тщетно.

Я, конечно, особо не практиковался в магии, но не ожидал, что узоры просто возьмут и... увянут. Они вообще могли увянуть? Нет. Видимо, Николина мне как-то мешала. Как бы я ни пытался раньше избавиться от магии, я знал, что так просто она не исчезнет.

Может быть, нужно переосмыслить намерение. Я сосредоточился снова.

«Помогите мне изгнать Николину».

Ничего.

«Помогите мне вытащить Николину из Лу».

Узоры бесцельно парили.

«Помогите мне исцелить Лу. Помогите победить Николину. Помогите сделать все как было прежде».

Узоры все так же блуждали. На лбу у меня едва не лопнул сосуд. Я совершенно потерял нить разговора, который вели между собой остальные.

«Пожалуйста. Прошу, помогите спасти ее».

На последней просьбе узоры загудели, засияли ярче и соединились в одну нить. Знакомые голоса зашептали мне на ухо: «Спаси ее, спаси ее, спаси ее...», а узор сплетался в лицо.

В лицо... Морганы.

Я содрогнулся всем телом от ужаса и резко открыл глаза. Нет. Что угодно, только не это. Цена слишком велика, и неважно, что из этого выйдет.

Остальные, стоявшие рядом с Николиной, посмотрели на меня.

– Эм... – Бо вскинул брови. – У тебя запор, что ли, братец?

Я выбросил узор из головы. Я не мог использовать его. И не стал бы.

– Моя магия не поможет.

– Если бы ты слушал, то услышал бы... – Бо кивнул на Коко, – ...как Коко сказала, что магия одной ведьмы не может рассеять чары другой. Это должно быть нечто иное. Древнее и могущественное.

– И что у нее на уме?

– Скорее, у меня. – Фыркнув, Бо поправил кружевной манжет на рукаве. Нелепый жест, ведь он так и свисал с плеча. – Очевидно, вы забыли, что у нас в распоряжении есть бог.

– О, властелин лесной природы... – Николина раскачивалась назад и вперед, безумно смеясь, – из всех имен назвался Клодом.

Коко не обратила на нее внимания и лишь задумчиво поджала губы.

– Я могла бы отправить Водвосу магическое сообщение, но, если он в туннелях, то прочитать письмо не успеет – оно просто сгорит.

Бо посмотрел на нее как на идиотку.

– Он же бог.

Меня осенило в ту же секунду, что и Коко.

– Мы помолимся ему, – выдохнул я.

– Нет. – Бо с отвращением покачал головой. – Это ты ему помолишься. Ты ему нравишься больше меня.

– Я всем нравлюсь больше тебя.

– Кроме Коко.

– Вы мне оба не нравитесь, – раздраженно сказала она. – И я не молюсь.

– Почему?

– Да помолись ты уже, Рид.

Они посмотрели на меня. Бо раздраженно, Коко нетерпеливо, Селия взволнованно. К горлу подступил комок, когда

я увидел осуждение в ее взгляде, хотя она и пыталась скрыть его. К чести ее сказать, Селия промолчала. Не стала возражать или перечить. Зато Николина это сделала вместо нее.

— Молись, охотник, — певуче протянула она. — Молись языческим богам, коль кара не страшит, что над тобой создатель твой за ересь совершит.

Я неуверенно откашлялся.

— Господь не отрицает существование других божеств. Он... Он лишь призывает не поклоняться им.

Николина откинула голову и широко ухмыльнулась. Я сосредоточился на волнах и горизонте. Пора приступать. В отличие от Коко, я умел молиться. Почти всю свою жизнь я каждый день по несколько раз это делал. Молитва к Деверо будет такой же.

Впрочем, кого я обманываю. Деверо не был безымянным, безликим божеством. Господи, он же был скрипачом.

Я поморщился от своего же богохульства.

И почувствовал тонкие пальчики на локте. На меня серьезно смотрела Селия. Она сглотнула и, явно разрываясь меж двух огней, прошептала:

— Может, стоит... начать как обычную молитву Господню.

Я точно попаду в Ад. И все же я кивнул, закрыл глаза и попытался отстраниться и собраться с мыслями.

«Отче наш, сущий... в Цезарине. Да святится имя твое».

Я чувствовал, как все смотрят на мои пылающие щеки. Ощущал их любопытство. А еще чувствовал себя полным

идиотом. Ничего не выйдет. Деверо был богом, но не Господом, и если я до сих пор не заслужил себе проклятие, то теперь уж точно заслужу. Хватит с меня этих церемоний.

«Деверо? – раздраженно позвал я. – Не знаю, слышишь ты меня или нет. Скорее всего, нет. Это я, Рид».

Ничего не произошло.

«Николина вселилась в Лу. Помоги нам изгнать ее. Пожалуйста».

Все так же ничего.

«Мы можем встретиться? – снова попытался я. – Мы в небольшой деревеньке Фе Томб на северном побережье Бельтерры. До нее три дня пути от Шато ле Блан. Ты наверняка уже и сам это знаешь, да и вообще все знаешь. Или нет, а я тут стою и разговариваю сам с собой, как идиот».

Я снова поморщился и приоткрыл один глаз.

Бо осмотрел скалы и нахмурился.

– Ну, это было довольно заурядно. – Он посмотрел на небо. – Он же бог дикой природы, так? Так он назвал себя в своей пафосной речи?

– Повелитель всех растений и зверей. – Коко, прищурившись, посмотрела на берег.

– Честно говоря, его молчание оскорбительно. Хоть бы птичку послал нагадить нам на головы, – хмыкнул Бо и посмотрел на меня. – А ты точно молишься как надо?

– Может, сам попробуешь? – буркнул я.

– Не будем торопиться. Попробуй еще раз.

Через силу я закрыл глаза. И, сосредоточившись, возмолвился снова.

«Прошу, Клод. Откликнись. Нам нужна помощь. Нам нужен ты».

Он так и не ответил, и шея у меня начала гореть. Я открыл глаза и покачал головой.

– Его молчание говорит само за себя.

Бо опустил руки.

– Что же тогда делать? У нас тут охотник без оружия, нерадивый бог и... – Он с отвращением махнул на Николину. – И *бездарнейшая* поэтесса. Ой, да не смотри ты так на меня. Твои стишки по меньшей мере вторичны, а то и попросту примитивны. – Бо нахмурился еще больше и посмотрел на каждого из нас. – Что еще осталось?

«Мне тошно тешить себя надеждой, но и не надеяться я не могу. Надежда живет во мне, даже теперь. Отравляет меня».

Ответом был лишь шум волн.

Вот оно.

Я посмотрел Коко прямо в глаза.

– У нас нет выбора.

Она с сожалением покачала головой, закрыла глаза и прошептала:

– «Печальные воды».

Часть II

La nuit porte conseil.

Утро вечера мудренее.

Французская пословица

Смерть на берегу

Николина

Охотник и принцесса хотят наказать меня этими отравленными путами, но мы наслаждаемся ими. Мы тремся о веревки, пока кожа на запястьях не становится красной. На ее запястьях. Ведь больше всего страдают мышка и ее охотник.

Конечно, она не ощущает ничего, но зато он все чувствует. Он знает, что она в ловушке. И она это знает. Она не видит золота, как видим мы. Она взывает к нему, умоляет, но оно не слышит. Мы не допустим этого. Если голоса, что не принадлежат нам, тихо предостерегают, если они шипят, зная, что нам здесь не место, узоры не помогут. Они могут только подчиниться.

Мы можем только подчиниться.

Даже если что-то не так. Даже если под золотой магией кроется нечто новое и живое. Оно ждет, и мне это не нравится. Я не могу использовать его. Неизвестное для мыши, оно извивается подобно змее, которая готовится кинуться на защиту. Это дар, и он пугает нас.

Нам нельзя бояться.

Они не должны были что-то заподозрить и все узнать. А теперь они хотят найти Лё-Меланколик. Мерзкие, проклятые воды. Они таят секреты, но и раскрывают их, о да. Но мою тайну они не могут поведать. Не могут рассказать правду.

Пока остальные собирают вещи, за мной наблюдает принц, правда, на свою принцессу он смотрит больше. Впрочем, неважно. Мы не хотим бежать. Они ищут море Лё-Меланколик, но замок Шато ле Блан – его побратим и сосед. Мы не станем бороться и сопротивляться. Наша правая рука занемела, но в левой ощущается боль. Мы можем превозмочь ее. Золото не ответит мышке, но оно должно ответить

нам. Я боюсь его, а оно не доверяет мне, но мы отправим послание. Так нужно.

Буквы врезаются в нашу плоть на спине, и золото разлетается мелкими брызгами. «ОНИ ЗНАЮТ». А затем – «СМЕРТЬ НА БЕРЕГУ».

Хозяйка будет недовольна нами.

«Я разочарована, Николина, – скажет она. – Я же велела их всех убить».

Мы бросаем взгляд на запястья. На алые пятна крови. Ее крови. Алой принцессы.

«Убей их всех, – скажет она. – Кроме принцесс».

Кроме принцесс.

Сильнее боли и магии кипит и бурлит наша ярость. Она как губительный яд. Мы не должны ее убивать. Она оставила свою семью и мою хозяйку, но мы должны подчиниться.

Мы все сделаем, чтобы хозяйка гордилась нами. Мы проявим себя. Она увидит нашу ценность, да, и нашу любовь. Больше она никогда не заговорит о своей вероломной племяннице. Но остальные...

Я утоплю их в водах Лё-Меланколик.

Они думают, что поймали меня, опутали веревками, запугали проклятиями и угрозами, но все это вздор. Они ничего не знают о боли. Нет-нет, настоящая боль не в крови или на коже. Она не в волдырях.

Она кроется глубоко внутри.

Мышки пищат, когда охотник тянет меня вперед. На

опушке леса камнями выстлана тропинка. Дым темной завесой закрывает полуденное небо. Внизу волны с шумом разбиваются о скалы. О да. Они предостерегают о буре, о бедствии.

«Не волнуйся, мышка, – весело говорим мы принцессе, глубоко вдыхая. – Мертвецы не должны вспоминать о былом».

«Я не мертва».

«Скоро, – обещаем мы. – Очень скоро твоя мать поглотит твое тело, а мы поглотим остальных, словно мышь, попавшую в мышеловку».

«Можно сказать, что теперь и ты мышка, Николина».

«Да?»

Мои мышки прижимаются ближе, как всегда любопытные, и мы улыбаемся, когда охотник бросает на нас хмурый взгляд через плечо.

– Тебя что-то развеселило? – резко спрашивает он.

Мы улыбаемся шире, но ничего не отвечаем. Он не выносит нашего молчания. Оно удручает его. Он резко выдыхает через нос, тихо пророча нам боль. Мы с радостью примем ее и насладимся ею.

Мышка продолжает, не слыша его слов. Мы смеемся, ведь и он не слышит ее.

«Я не шучу, – твердо продолжает она. – Ведь никто не должен был узнать о предательстве Ля-Вуазен и о тебе. Но на маяке ты сплеховала, и Моргана этого не забудет. Я знаю

свою мать. Ты обманула ее доверие. Она убьет тебя при первой же возможности... прихлопнет, как мышь в мышеловке».

Мы усмехаемся, но улыбка исчезает.

«Хозяйка защитит нас».

«Твоя хозяйка пожертвует тобой ради общего блага. Точно так же, как моя мать пожертвует мной».

Словно чувствуя что-то внутри нас – но ведь она не чувствует ничего, – мышка нагло вторгается в наше сознание. Мы чувствуем каждый ее пинок, каждый удар локтем, хотя у нее нет ни рук, ни ног. Неважно. Она не тронет нас и вскоре растворится в других. Скоро она станет нашей.

«Ты выбрала не ту сторону, Николина. Ты проиграла. Рид и Коко ни за что в жизни не поведут нас к Шато».

Мои мышки шипят и неуверенно перешептываются.

«Она ничего не знает, – напеваю я им. – Тише, мышата».

– Мертвецы не должны вспоминать о былом, страшитесь того, что им снится. Ведь памяти давней о сердце живом...

Охотник злобно дергает нас вперед, и мы спотыкаемся. С ели неподалеку вспархивает ворона.

У нее три глаза.

«Ты знаешь, что грядет, Николина. Еще не поздно остановиться. Ты все еще можешь покинуть мое тело и объединиться с нами прежде, чем Моргана и Жозефина предадут тебя. А они предадут. Это лишь вопрос времени. Я, Рид, Коко и Бо – мы сможем защитить тебя...»

Горечь пульсирует в нас. Обещания, обещания, лишь пустые обещания. Они черны и едки на вкус, и мы задушим ее ими. Мы запихнем ей в горло столько глаз, что она дышать не сможет. Ее сознание не шевелится под нашим натиском. Мы давим сильнее. Мы сдерживаем, сжимаем и сдавливаем, пока она наконец не отступает, превращаясь в маленькое, бесполезное пятнышко. Язва в нашей норе.

«Думаешь, ты умна, – шипим мы. – Но мы умнее. О да. Мы убьем их всех, всю твою драгоценную семью, а потом ты их всех забудешь».

«НЕТ...»

Ее страх не важен. Он пуст, как и ее обещания. Она уже мертва.

И скоро ее друзья разделят эту участь.

Воронья туча

Рид

Николина резко остановилась. Ее лицо исказилось и задергалось, а рот скривился. Она снова и снова бормотала нечто похожее на слово «мерзость».

– Что там мерзкого? – подозрительно спросил я, потянув ее вперед.

Она отстала на шаг, неотрывно глядя на дерево в чаще леса. На ель.

– Что ты там высматриваешь?

– Не обращай на нее внимания. – Коко бросила на нас взгляд через плечо и плотнее укуталась в плащ. Вдоль побережья ветер дул куда сильнее и холоднее, чем в Ля-Форе-де-Ю. – Чем быстрее доберемся до деревни, тем скорее найдем черные жемчужины для Ле-Кёр-Бризе⁴.

⁴ Разбитое сердце (фр.).

– Жемчуг, – усмехнулся Бо и пнул камешек в море. – Какая нелепая плата.

– Ле-Кёр стережет Лё-Меланколик. – Коко пожала плечами. – Воды опасны и *могущественны*. Никто не подойдет к берегу без платы.

Когда я дернул Николину еще на пару шагов вперед, Селия, шедшая рядом с Тьерри, сморщила носик.

– А ты уверена, что мы найдем эти... черные жемчужины в деревне?

– Возможно, не в этой, так в другой.

Коко прошла назад, чтобы подтолкнуть Николину. Та, казалось, приросла к месту. Она все еще смотрела на ель, задумчиво наклонив голову. Я присмотрелся повнимательнее, и волосы на шее у меня встали дыбом. На дереве сидела одинокая ворона.

– По пути к Лё-Меланколик нам попадетсЯ несколько рыбацких деревушек.

Хуже того, белый пес снова замаячил неподалеку, тихо и зловеще глядя на нас. Испуганно выругавшись, Бо швырнул в пса камень, и тот исчез в облаке белого дыма.

– Но ведь черный жемчуг довольно редок, так? – осторожно спросила Селия.

«Да». – Тьерри тоже заметил ворону и нахмурился.

Он не сказал нам, что намерен был делать дальше. Скорее всего, Тьерри собирался держаться нас, пока мы идем на север к Лё-Меланколик и Шато ле Блан. Из его воспоминаний

было ясно, что Моргана пыталась его и Тулуза, но Тьерри был с нами, а Тулуз – нет.

«Но все можно купить за правильную цену», – мягко произнес он.

– Живее, Николина, – бросила Коко, взявшись за веревку.

Николина вздрогнула, а мы слишком поздно осознали свою ошибку. Мстительно усмехаясь, она согнула указательный палец.

Из крыла вороны выпало перо.

– Черт!.. – Коко поспешно затянула веревки, но резкий запах магии уже прорезал воздух.

Перо упало на землю. Встревожившись, я резко потянул Николину за запястья, но она ударила меня затылком по носу и навалилась сверху. Мы рухнули на землю, а перо между тем начало... меняться.

– Мышь в мышеловке, – прошипела она. – Ну и кто тут у нас мышь?

Тонкие черные нити пера стали множиться. Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. Они сливались воедино, превращаясь в бесформенный комок. Из комка появилась ворона, похожая на ту, что сидела на дереве. Новая птица каркнула, и из вороны, сидевшей на ели, выпало второе перо. Появилась еще одна птица. Три одинаковых вороны.

Николина хихикнула.

Но это был не конец. За несколько секунд перед нами возникло еще пять птиц. Они быстро множились. Теперь их бы-

ло уже десять. Двадцать. Пятьдесят.

– Прекрати! – Я сжал ее руки, которые должны были быть онемевшими и бесполезными, но Николина вывернулась. Птицы кружили над нами жутким черным сонмищем. Их, наверное, были уже сотни. – Отзови узор. Ну же!

– Поздно! – Смеясь от восторга, Николина подпрыгнула на цыпочках. – Смотри же, охотник. Это воронья туча. Черная туча, что несет смерть, смерть, смерть. Они выключают дочиста всю твою плоть, плоть, плоть.

Чума над нами нарастала, как волна прилива, готовая вот-вот обрушиться на берег.

– Слышишь, охотник? Вороны-убийцы. Что им съесть сначала? Твои глаза или язык?

И волна нахлынула.

Птицы в едином порыве помчались на нас. Я вскинул руки, чтобы сдержать их натиск. Я отчаянно искал нужный узор, но вороны продолжали сосредоточенно нас атаковать. Их когти царапали мне лицо и руки. Клювы впивались в пальцы. Рвали до крови уши.

Коко повалила Николину на землю, и они начали драться в снегу, а вороны клевали нас и дергали за волосы.

Злобное карканье заглушило испуганные крики Селии, яростные проклятья Бо и гневные вопли Николины. Я вытянул шею и увидел, как скорчилась Николина, когда Коко снова смазала веревки своей кровью. Но вороны не остановились. Кровь стекала у меня по шее, плечам, но головы я не

поднимал. Золото вспыхнуло запутанной паутиной.

Вот оно!

Изо всех сил я дернул узор, и мощный порыв ветра отбросил птиц назад. Я сжался перед ударом – швырнуло и меня, но это была необходимая жертва. Мне нужно было отдышаться и подумать. Правда, у меня не получилось ни того ни другого. На смену отброшенным птицам с негодующим криком на нас ринулись другие.

Плохо дело. Их слишком много. И узоров тоже. Схватив Николину, я метнулся к скалам, чувствуя когти на своей шее. Коко и Бо бежали позади, за ними следовал Тьерри, державший на руках Селию.

– Рид! – Я не замедлил шага, услышав удивленный оклик Бо. – Что мы делаем?

Нет, я был сосредоточен, искал нужную нить. Чтобы выбраться целыми и невредимыми, нужно было прыгать. При этой мысли у меня даже в глазах помутнело. Мадам Лабелль как-то обмолвилась, что с нужным узором можно даже летать. А Деверо говорил, что птица-кардинал не сможет воспарить, если не поверит в это.

Что ж. Скоро мы узнаем, правы ли они.

«Деверо, если ты меня слышишь, прошу тебя. Пожалуйста, помоги нам...»

Закончить молитву я не успел.

Оглушительный рев сотряс лес, и аметистовое крыло разогнало клубы дыба. Крыло было громадное, перепонча-

тое и острое как бритва. Огонь описал широкую дугу и осветил огромное змеевидное тело. Следом показалась чешуйчатая лапа и колючий хвост.

А потом и весь дракон.

Дракон и его дева

Рид

Я просто стоял и смотрел, как дракон мчится к нам.

Дракон взревел, и из его огромной пасти вырвалось пламя. От жара у меня на коже вскочили волдыри.

Придя наконец в себя, я повалил Лу на землю и укрыл ее собой. Вороны над головой кричали в агонии. Мертвые обугленные тушки, если таковые вообще оставались, опадали на землю жутким дождем. Многих птиц дракон спалил в небе, других просто проглотил целиком, свирепо щелкнув зубами.

Все попадали на землю и закрыли головы руками, пытаюсь защититься от пламени. Все, кроме Тьерри. Он тоже лежал на земле, но прикрываться не стал, наоборот, смотрел на дракона, но выражение его лица понять было сложно. Я мог бы поклясться, что он смотрит на устрашающее создание с

облегчением. Но с чего бы? Мы ведь буквально угодили из огня да в полымя.

Даже с магией и клинками, да будь у меня при себе балисарда, с драконом нам ни за что не совладать. Нужно бежать. Сейчас же. Пока еще есть возможность. Нужно только отвлечь его. Я тут же потянулся к золотой паутине узоров. Нужно что-то громкое и большое, чтобы задержать зверя, когда мы побежим к утесу. Получится повалить дерево? А лес? Да. Деревянная клетка для...

Для огнедышащего дракона.

Я закрыл глаза. Черт.

Времени не оставалось. Нужно было действовать. Приготовившись к грядущему, я собрал в руку золотые нити. Но потянуть их не успел – дракон фыркнул и окутал нас дымом. Я поднял взгляд. Сквозь завесу я различил иное пламя, поменьше. Прищурившись, я внимательнее присмотрелся. Никакое это не пламя, а волосы. Рыжие волосы. Это был человек.

Мне улыбнулась сидевшая верхом на драконе Серафина.

Земля содрогнулась, когда зверь с громким ревом приземлился и вскинул огромную голову. Пара секунд, и вот уже его рога превратились в лавандовые кудри, а хвост – в черный атлас. Рептилия моргнула, и ее глаза стали карими, а аметистовые чешуйки обернулись кожей.

– Тьерри, – раздался низкий, с хрипотцой голос.

Зенна подхватила Серафину и мягко поставила ее на но-

ги. Превращение закончилось. Они поспешили к своему другу. Я уставился на них, разинув рот. Впрочем, как и все остальные. Даже Николина.

«Зенна. Серафина».

Тьерри подбежал к Серафине, распростершей руки. Он подхватил ее и закружил.

«Вы здесь».

– И ты здесь. – Зенна выглядела недовольной. – Представь, как мы удивились, когда Клод наконец почувствовал тебя, но где! На севере Бельтерры, а не в туннелях, в которых мы искали тебя несколько недель. – Она схватила его за руку. – Как же мы волновались, Тьерри. Где ты был? И где Тулуз?

Тьерри помрачнел.

Я поднялся и потянул за собой Николину.

– Ты... ты же...

– Дракон, да. – Зенна смиренно вздохнула, и из ее носа вырвался дым. Осмотрев Тьерри, она небрежно отерла кровь с губ. Сегодня она наредила их золотом в цвет узорам, вышитым на платье. – Здравствуй, Алая Смерть. Осознаем новосты вместе? Вперед. Минутка найдется.

– За минутку такое не осознать! – Бо, пошатываясь, встал и тщетно попытался отряхнуть штаны. – Просто... невероятно. Мы же постель делили, а ты даже не обмолвилась об этом! Я спал с драконом! – Он посмотрел на меня так, словно я не слышал его, и распростер руки. – С настоящим дра-

коном!

– Что? – Коко подскочила с невероятной прыткостью. Бо тут же вскинул руки перед собой.

– Между нами ничего не было.

Когда Коко жутковато сощурилась, Бо попятился ко мне. Я не обратил на него внимания. Николина отошла в сторону, и я хмуро дернул ее к себе.

– Я замерз, – продолжал оправдываться Бо, – а Серафина предложила свое место.

Серафина положила голову на плечо Тьерри, не выпуская его руки. Он нежно сжал ее ладонь. Они были словно брат и сестра.

– Иногда по ночам я не могу уснуть, – сказала она.

– Да-да, – закивал Бо. – Серафина необычайно добра. Тогда она мне даже почитала, пока я не...

– Неужели? – Коко хлопнула в ладоши с устрашающей улыбкой. – Расскажи еще. Поведай мне о той холодной ночи, что ты провел между Зенной и Серафиной.

– Ну, я потом уже согрелся, – возразил Бо, либо не осознавая гнева Коко, либо желая непременно доказать свою невиновность. – Проснулся от жары. Чуть от теплового удара не помер. Ужас.

– У меня и правда температура выше, чем у людей, – сказала Зенна.

– Видишь? – Бо снова кивнул, словно все уже разрешилось. Я же покрепче затягивал путы Николины. – Давай, Зен-

на, скажи ей, что между нами ничего не было.

– А это важно? – Зенна вскинула бровь.

– Да, Борегар, это важно? – повторила Коко и тоже изогнула бровь.

Бо в ужасе уставился на них.

– Не вынуждай меня связать тебе еще и ноги, Николина. – Я усадил ее перед собой, когда она снова пыталась вывернуться. – Я ведь завяжу и до самого Лё-Меланколик тебя понесу, если придется.

Николина откинулась назад и, словно кошка, потерлась щекой мне о грудь.

– Мне бы это понравилось, охотник. О да, очень бы понравилось.

Зенна нахмурилась, как и я, и глубоко вздохнула. Если она и почувствовала новый запах от Лу, то ничего не сказала. Только покачала головой и снова посмотрела на Тьерри.

– А где твой брат? Где Тулуз?

Тьерри напрягся.

«Тулуз в Шато. – Он смиренно вздохнул. – Я... сбежал».

– В Шато ле Блан? – Глаза Зенны сверкнули золотом, зрачки сузились до щелочек. – Почему? Что произошло?

Тьерри неохотно покачал головой.

«Моргана поймала нас в туннелях. Вернее, она». – Он кивнул на Николину.

Та хихикнула и наклонилась чуть вперед, вытянув губы, словно посылала ему воздушный поцелуй. Зенна зарычала,

Тьерри же невозмутимо продолжил: «Когда свет погас, она напала. Я даже не успел понять, что случилось, а она уже порезала мне руку и выпила моей крови. Велела нам с Тулузом спрятаться где-нибудь подальше от маскарада и ждать ее возвращения. Выбора у нас не было. Пришлось подчиниться. – Он бросил на меня виноватый взгляд. – Мы слышали ваши крики, но не могли помочь. Прости».

Я изо всех сил пытался сохранить лицо, пока Николина порывалась закружиться у меня в руках. Словно мы танцевали.

– Я ни в чем тебя не виню.

Тьерри кивнул.

«В конце концов она пришла за нами вместе со своей хозяйкой Ля-Вуазен. Они без всяких колебаний сразу же передали нас и волков Госпоже Ведьм. Мы были... интересны Моргане. Вернее, наша магия. Она обездвижила нас инъекциями и отвела в Шато».

Дым струился сквозь стиснутые зубы Зенны.

«Я не хочу вновь переживать те ужасы, что она с нами сотворила. Ни за что. Она хотела найти источник нашей магии. Проверить ее возможности. Изучить, как наше колдовство отличается от ее собственного. Думаю, с волками она сделала то же самое».

Тьерри молча смотрел, как мы с Бо и Коко положили Николину на землю, как тогда на маяке. Коко раскрыла Николине рот, а та ударила ее лбом в лицо.

«Может, ей просто нравится мучить других. В общем, на нас она ставила опыты».

– Я оторву ей голову, – сказала Зенна, – и сожру.

– А как ты сбежал? – спросила Селия, затаив дыхание.

«Мой голос спас меня, – мрачно усмехнулся Тьерри. – В ту ночь в дозоре стояли молоденькие ведьмы. За мной они до этого не присматривали. Наверху что-то праздновали, и они пришли поздно, чтобы сделать мне инъекцию. Причем были навеселе. Едва-едва, но я наконец почувствовал свои руки и ноги. Затушил фонарь и ждал, когда ведьмы войдут. Когда они открыли дверь, я отправил свой голос дальше по коридору. И сбил их с толку. Когда они повернулись на голос, я... я... – Он закрыл глаза, словно не мог вынести этих воспоминаний. – Я одолел их».

– Они это заслужили, – бросила Зенна.

«Возможно. Но из-за их криков мой побег вскрылся. Я не смог найти Тулуза. Они разделили нас, поочередно использовали одного, чтобы мучить другого. – Тьерри резко замолчал, тяжело дыша. Наконец он прошептал: – Мне пришлось бежать без него».

Серафина положила ему руку на плечо.

– Если бы ты погиб, уже не смог бы спасти его.

«В лесу я сбился с пути. Хотел вернуться. Я должен вернуться. – Тьерри открыл глаза, и они наполнились слезами. – Я не могу его бросить».

Зенна наклонилась и посмотрела ему в глаза.

– Мы не бросим его. Мы вернемся в Шато за Тулузом. За ним и за волками. А потом сровняем с землей этот паршивый замок вместе с Морганой и ее Белыми дамами. Обещаю тебе.

– Обещания, обещания, – пробормотала Николина себе под нос. – Пустые обещания. Хозяйке ничего не грозит. Да, хозяйка будет ждать.

– Вот и пусть себе ждет дальше. – Я покрепче сжал ей руки. Больше никаких ворон. Нужно быть начеку. Теперь на пути к Лё-Меланколик я отпущу Николину разве что затем, чтобы Коко снова окропила ей путы кровью. Если Николина все еще рассчитывает привести Лу к Жозефине и Моргане, ей придется тащить мой труп за собой. – Как вы здесь оказались? – спросил я Зенну, сделав глубокий и долгий выдох. – Ты сказала, что Клод почувствовал Тьерри?

– Клод не таков, как вы. – Она посмотрела на меня золотыми глазами. – Он даже не таков, как я.

– Да, но почему он раньше не почувствовал Тьерри? Почему не смог найти его в туннелях? Прежде, чем Моргана... – Я оборвал себя на полуслове.

– Прежде, чем она стала пытаться его? – закончила за меня Николина.

Зенна выпустила из носа новую струю дыма.

– Клод никогда не звался верховным созданием, охотник. Лишь божественным. Он не вездесущ и не всемогущ. Но он и правда почувствовал Тьерри в туннелях. Однако, когда раз-

горелось Адское пламя, он утратил связь. – Зенна бросила сердитый взгляд на Коко. – Мы сочли, что магия огня скрыла присутствие Тьерри. И даже не подумали, что это все из-за Шато ле Блан. Когда Тьерри вырвался из чар замка три дня назад, Клод снова почувствовал его. Я тут же полетела на север. – Она моргнула верхними веками, и ее глаза снова стали карими. – Мы с Серафиной несколько дней искали Тьерри в горах. Лететь низко мы не могли, иначе нас бы увидели. Пришлось идти пешком. – Она скривилась.

Серафина погладила ее по руке.

– Когда мы добрались до Фе Томб этим утром, Зенна наконец уловила запах Тьерри, еще свежий. Мы пошли по нему до маяка, где столкнулись с разгневанной толпой.

– Вас они уже спугнули, – прорычала Зенна, – но мы последовали за вами. – Она изогнула накрашенные губы в кровавадой усмешке. – Вороны оказались случайным, но весьма вкусным дополнением. Не стоит благодарности.

– Постойте-ка. – Бо вскинул палец. Он посмотрел на них хмуро и изумленно, даже слегка возмущенно. – То есть Клод не отправлял вас к нам? Он что, не слышал нашу молитву?

– Твое высокомерие просто поражает. – Зенна вскинула бровь.

– Какое же это *высокомерие* – ожидать помощи от друга...

– Он вам не друг. Он *бог*. Если заговорить с ним, он услышит. Но вот ответит... – сказала она твердо и прищурилась, – не всегда. Он вам не божок на побегушках. Он принадлежит

Древнему миру и подчиняется древним законам. Поэтому не может вмешиваться напрямую.

Бо нахмурился еще сильнее.

– Вы поможете нам? – спросил я прежде, чем он начал бы спорить. – Николина вселилась в Лу. Нам нужно изгнать ее.

– Я не дура. – Раздув ноздри, Зенна наклонилась и посмотрела Лу в глаза. – Да, я узнаю эту скверну, которую вы называете Николиной. Давным-давно я знала ее под именем *Никола*.

Николина дернулась.

– Мы не произносим это имя, – прорычала она. – Не произносим!

– Но я всего лишь дракон. – Зенна наклонила голову. – Я не умею изгонять духов.

– Печальные воды могут, – поспешно сказал я. – Мы как раз туда идем. Может, вы хотите... присоединиться к нам? – Я затаил дыхание в ожидании ответа, едва ли надеясь на что-то. На драконе мы бы за день могли долететь до Лё-Меланколик. Она могла бы доставить нас туда. А может, и защитить. Николина и даже Моргана не посмели бы сразиться с драконом.

Зенна ответила не сразу. Она отошла назад. Расправила плечи. Вытянула шею.

– Ведьмы собираются в Шато ле Блан. Мы заметили их в горах и в лесу. Так много мы никогда еще не видели. Нам нужно скорее спасти Тулуза. Простите.

– Но мы же можем помочь! Лу знает замок лучше всех! После того как мы найдем жемчужины для Ле-Кёр и изгоним Николину...

– То есть после того, как Тулуз умрет. – Зубы Зенны уже становились длиннее, а глаза сверкали золотом. – Позволь, я скажу тебе кое-что, охотник. Возможно, Луиза ле Блан для тебя важнее всего на свете, но для меня – нет. Я уже все решила. Каждое мгновение, что я трачу на споры с тобой, может стать последним для Тулуза.

– Но...

– Каждое мгновение, что я трачу на споры с тобой, может стать последним и для тебя – кто знает, может, я съем тебя.

– Он все понимает, – мягко сказала Коко, вставая передо мной и Николиной. Она махнула мне, чтобы я отступил. Николина же метнулась вперед, попытавшись укусить Коко за руку – Идите. – Коко кивнула. – Спасите Тулуза и волков. Разружьте замок. И убейте Моргану. Двух птиц одним камнем, так сказать. – Она покосилась на мертвых ворон вокруг.

Зенна кивнула. Тьерри хотел на прощание сжать мое плечо, но, увидев зубы Николины, передумал.

«Мы скоро увидимся, друг мой».

Я выдавил улыбку. Зенна, конечно, была права. Для меня на первом месте стояла Лу, а для них – Тулуз.

– Удачи, frère. Береги себя.

Зенна и Тулуз молча пошли к утесу. Серафина замешкалась, словно хотела что-то сказать, но не могла найти нуж-

НЫХ СЛОВ.

– Жаль, что мы не можем больше ничем вам помочь, – прошептала она наконец.

– Вы и так нам очень помогли. – Коко пнула обугленную ворону.

– Мы убьем Моргану, если получится, – пообещала Серафина.

Зенна менялась не так, как оборотни. Ее кости не ломались и не трескались. Она превращалась в дракона с грацией и артистическим мастерством. Зенна элегантно вскинула руку, другой взялась за подол. Взмахнув атласной тканью, она закружилась и взлетела вверх, словно вспыхнувшее пламя.

– Как она прекрасна, – выдохнула Селия.

Зенна протянула украшенный драгоценными камнями коготь к Тьерри. Он взобрался на него, и Зенна усадила юношу между крыльями из гладкой аметистовой чешуи.

– Воистину, – улыбнулась Серафина.

Дракон забрал свою деву, и они взлетели в небо.

Молитва

Лу

Рид, Коко, Бо, Ансель, мадам Лабелль. Рид, Коко, Бо, Ансель, мадам Лабелль».

Я повторяю их имена в темноте, словно молитву. Представляю себе их лица. Медный оттенок волос Рида, очертания скул Коко, изгиб бровей Бо, цвет глаз Анселя. Даже ткань платья мадам Лабелль, которое было на ней в нашу первую встречу, – зеленый шелк.

«Красивый цвет, – задумчиво отзывается Легион, вспоминая позолоченные стены и мраморные полы “Беллерозы”, парадную лестницу и обнаженных дам. – Красивый... бордель?»

«Да. Это сиськи».

Они прижимаются ближе, зачарованно вслушиваясь в каждое имя, изучая каждое воспоминание. Но не Этьен. Он

отделен от других, но его присутствие ощущается уже слабее. Оно поблекло. Он забыл свое имя, и я напомнила ему об этом. Я буду и дальше напоминать.

«Рид, Коко, Бо, Ансель, мадам Лабелль. А это Этьен. Ты Этьен».

«Я Этьен», – едва слышно шепчет он.

«Мы тоже когда-то надеялись». – Легион обвивается вокруг него, но не чтобы приободрить, а чтобы утешить.

Они видят лишь один исход происходящего, но я не согласна. Я не принимаю его. Я вспоминаю аромат кондитерской Пана, сливки в булочках. Ветер в волосах, когда я прыгаю с крыши на крышу. Первые рассветные лучи на щеках.

«Надежда не важна».

«Нет ничего важнее надежды, – яростно возражаю я. – Надежда не какой-то недуг. Это исцеление».

Они обдумывают мои слова, но их замешательство и маловерие пропитывает тьма. Я не позволю ей осквернить мои мысли.

«Рид, Коко, Бо, Ансель, мадам Лабелль. Рид, Коко, Бо, Ансель, мадам Лабелль».

Местами тьма начала просвечивать, и я вижу проблески... Николины. Ее воспоминания. Они скользят по теням, лоснящиеся и яркие, словно масло на воде, и сливаются с моими воспоминаниями. Тут обрывки колыбельной. Там рыжие волосы и теплые руки, скрытая улыбка и отзвук смеха. Искреннего смеха, а не того жуткого и фальшивого, которым

она смеется сейчас. Тепло окутывает это воспоминание. Это ведь не ее смех. Смеется кто-то другой, кто был ей некогда дорог. Сестра? Мать? Бледная кожа в веснушках. А... возлюбленная.

«Рид, Коко, Бо, Ансель...»

Меня охватывает ужас. Кого-то не хватает, да? Я забыла... кого я забыла?

«Надежда не важна», – скорбно напевает Легион.

«Я Этьен», – выдыхает он.

В ответ тьма расступается, открывая взору храм Шато ле Блан. Но вот здесь... я никогда не бывала. Из храма вниз по склону горы рекой течет кровь, обагрывая волосы и платья павших ведьм. Мне никто из них не знаком. Лишь одна.

Николина стоит посреди поляны, с ее рук и изо рта капает кровь.

«Боже мой».

Никогда прежде я не видела такой бойни. Никогда прежде я не видела столько смертей. Смерть пронизывает все, каждую травинку и каждый блик лунного света. Она витает словно болезнь, плотная и мерзкая, забивается мне в нос. Николина же наслаждается ею. Ее глаза сияют серебром. Она смотрит на Ля-Вуазен, которая спускается вниз от алого храма. За собой она тащит связанную женщину. Лица женщины не разглядеть. Неясно, мертва она или нет.

В ужасе я пытаюсь разглядеть больше, но тьма снова возвращается, и знакомый голос скользит у меня по спине.

«Ты боишься смерти, мышка?»

Я не отшатываюсь и повторяю имена.

«Рид, Коко, Бо, Ансель... — Затем: — Все боятся смерти. Даже ты, Николина».

Ее призрачный смешок отдается эхом.

«Если ты не можешь справиться с таким простым страхом, Лё-Меланколик ты не переживешь. О нет. Наш муж хочет крестить нас, только он не понимает. Не осознает. Наша хозяйка остановит его».

Вспыхивает образ дракона — он появляется и в тот же миг исчезает. Я не успеваю его разглядеть.

«А если и нет, то воды бегут, бегут и бегут, и они там под воду уйдут, уйдут и уйдут».

Между нами повисает изумление и недоумение. Лё-Меланколик? Я напряженно пытаюсь вспомнить это название, но тьма, кажется, лишь сгущается вокруг него. Оно мне знакомо. Точно. Я просто... не могу вспомнить откуда. И снова меня охватывает ужас. Нет. Я не поддамся ему. Я гневно отталкиваю тьму прочь.

«Рид, Коко, Бо, Ансель».

Если Рид хочет крестить меня в этих водах, значит, на то есть причина. Я верю ему.

«Плывать я умею».

«Это тут совершенно ни при чем».

Сквозь чернильный туман проступает еще один образ. Женщина. Она целеустремленно идет к неестественно глад-

кому морю, такому гладкому, что оно похоже на зеркало. Безбрежное. Сверкающее. Не замедляя шага, она идет к воде, и та... будто бы поглощает ее движения. Ни одной рябинки на морской глади. Женщина все идет. Вода уже по колени. Бедро. Грудь. Ее голова опускается под воду. Женщина не всплывает.

«Ты не первая ищешь объятий этих вод. Многие приходили до тебя и многие придут после. Лё-Меланколик дорожит своими возлюбленными. Оно целует каждого перед сном, укладывает в постель и исцеляет их морской водой».

Мысль поражает меня, как удар молнии.

«Что с тобой произойдет, если я умру?»

«Ты видела Вознесение», – отвечает она.

Я скорее чувствую, чем вижу, как она обращает свое внимание на Этьена, дрожащего под ее взглядом. Он снова забыл свое имя.

«Душа без тела может жить долго».

«Но все же не вечно».

«Верно».

«То есть... ты все-таки можешь умереть, если умру я?»

«До этого не дойдет».

«Почему?»

Еще один смешок.

«Хозяйка сейчас в Шато. Она велела принести мое тело. Если ты поддашься соблазну вод, я вернусь в него. Ты умрешь, а я выживу».

«Откуда ты знаешь, что твое тело там? – спрашиваю я, снова отталкивая тьму и повторяя имена. – Ты сплеховала, Николина. Моя мать напала на тебя, и ты открыто бросила ей вызов. А твоей хозяйке она нужна больше тебя. Возможно, твоего тела там вовсе не будет. Возможно, ты умрешь».

«Я не сплеховала!»

Тьма в волнении корчится, а Легион шипит и плюется. Однако они чувствуют не только это. Им... любопытно, а еще где-то в глубине их сущности таится тоска. И надежда.

«Хозяйка поручила доставить тебя Моргане ле Блан! – Николина буквально выплевывает это имя. – И я доставлю тебя к ней, невзирая на твою мерзкую семейку. Посмотрим, кто станцует, а кто пойдет ко дну».

«Рид, Коко, Бо».

Николина, смеясь, уходит.

«Рид, Коко, Бо. Рид, Коко, Бо. Рид, Коко, Бо».

«Держись», – говорит Этьен.

И вновь растворяется в Легионе.

«Просыпайся, мышка».

Я словно пробуждаюсь от глубокого сна. Чувствую, как что-то поменялось. Тьма так же окутывает все вокруг, но при словах Николины она рассеивается жуткими клочьями, медленно плывущими на ветру. Цепляется за деревья, скалы и...

И людей.

Я смотрю на мужчину. Рыжие волосы взъерошены. Он

идет по горной тропе с веревкой в руке, препираясь с девушкой, идущей рядом.

«Посмотри на них, Луиза. Взгляни на них в последний раз. На свою семью. – Отвратительное молчание. – Ты уже забыла их?»

Их имена всплывают медленно, словно сквозь смолу. Я изо всех сил цепляюсь за каждое. Рид и Коко.

«Нет».

Коко смотрит темными, почти черными, глазами в небо, а потом переводит взгляд на меня. Нет. Не на меня. На Николину.

– Ты же знаешь, что мы идем в ловушку, да? Пускай и с жемчужинами.

Николина хихикает.

Качая головой, Рид тянет нас сильнее. Картинка перед глазами меняется с каждым шагом.

– Не обязательно.

«Они умрут, – напевает Николина. – Все до единого. Придет моя хозяйка. И вырвет их сердца».

«Нет, не умрут. Ничего она не вырвет».

– Выбора у нас нет. – Судя по тону, Рид не терпит возражений. – Печальные воды – наша единственная надежда.

– А после? Что потом, Рид? – Они оба долго смотрят на меня. – Шато ле Блан недалеко от моря. Если Зенна не сровняет замок с землей, может, проскользнем в него и... доведем дело до конца, когда Лу снова станет собой?

Пара впереди замедляет шаг. Они оба черноволосы. И оба мне незнакомы.

– Это Николина хотела штурмовать Шато, – твердо говорит Рид, – а не Лу. А значит, делать этого не стоит. Моргана и Жозефина наверняка нас ждут...

Его голос затихает, когда картина меняется.

«Попрощайся, Луиза».

Тени сгущаются и снова превращаются в тьму. Она давит на меня своей тяжестью, и меня уносит от Рида, от Коко, от света.

«Больше ты их не увидишь».

«Нет, увижу».

Слова звучат так тихо и ничтожно, что Николина не слышит их, зато другие слышат. Этьена больше нет, но Легион окутывает меня своим присутствием, погружая в свои глубины. Но они не хотят причинить мне вред или навязать свою волю. Они отделяют меня от тьмы. Держат меня воедино.

«Надежда не какой-то недуг, – теперь они напевают собственную молитву. – Это исцеление».

Еще одна могила

Рид

Селия вышла из-за деревьев. На ней были облегающие штаны и высокие кожаные сапоги. Расстегнутую рубашку она заправила в штаны. Это была рубашка Жан-Люка. Я узнал вышивку на вороте и рукавах. К тому же она была синяя с золотом – в цветах шассеров. Голову Селии покрывала широкополая мужская шляпа, а на лице ее виднелась аккуратно подстриженная борода.

Бо разразился смехом.

– Что? – Селия поспешно оглядела себя и разгладила рубашку. Поправила волосы и убрала выбившуюся прядь под шляпу. – Не похоже?

– Отнюдь, – заверил Бо ее. – Выглядишь как полная идиотка.

Николина, сидя позади меня, захихикала. Мы снова по-

крепче связали ей руки и намазали их кровью Коко. Сейчас она даже пальцем бы не смогла пошевелить.

Поразившись и, вероятно, возмущившись от такой прямолинейности, Селия вскинула брови.

– Козетта часто носит штаны...

– Но не бороду же, – сказал Бо. – Тебе не нужно скрывать-ся, Селия. Твоего лица нет на этих плакатах.

– Я просто... подумала, что... – Ее лицо вспыхнуло. – Может, король и не разыскивает меня, но отец точно будет. У Жан-Люка лазутчики по всему королевству. Думаю, мне стоит быть осторожной, разве нет? – Глядя на наши бесстрастные лица, она вздернула подбородок и повторила: – Козетта и Луиза носят штаны.

– Ну вот опять. – Бо с ухмылкой развел руками.

– Прошу вас, не обижайтесь, ваше высочество, но вы оказались куда менее приятным человеком, чем мне хотелось бы думать. – Селия прищурилась.

– Ничего, я не обиделся. – Бо, посмеиваясь, приобнял Коко за плечо.

– Он уже привык такое слышать. – Коко сбросила его руку.

Подозвав к себе Селию, Бо отправился вместе с ней в первую деревню.

Мы решили, что искать жемчуг будут они. Нам же с Коко пришлось остаться с Николиной, ничего не поделаешь. Тащить ее по улицам с окровавленными и связанными руками было бы сложновато. Да и не хватало еще, чтобы Николине

вздумалось заговорить с торговцем жемчугом, если мы все-таки его найдем. На пути к третьей деревне я уже был сыт Николиной по горло.

Сейчас она лежала на камне в лесу, стелая и дергая за путы. Ее руки безвольно свисали, словно окровавленные культи.

– Мы проголодались. Может, зайдём в деревушку? Только в одну. Всего в одну, всего в одну, где я приятно отдохну. – Она метнула на меня лукавый взгляд. – Только в одну, где булочки кусочек отщипну.

Я отвернулся от ее рук, покрытых волдырями. Не мог на них смотреть.

– Закрой рот, Николина.

Коко лежала у корней сучковатого дерева. Она потрогала свежий порез на ладони.

– Она не замолкнет, пока ты сам не замолчишь.

– Умная мышка. – Николина резко села, злобно глядя на меня. – Мы ведь не просто живём под ее кожей. Нет, нет, нет. Мы живём и под твоей тоже. Такой теплой и влажной, переполненной отрывистым... сердитым... дыханием...

– Клянусь богом, если ты сейчас же не заткнешься, я...

– Что ты сделаешь? – захихикала Николина и снова потянула путы. Я отстранился, и она едва не упала с камня. – Ударить это прекрасное тело? Оставишь синяки на красивой веснушчатой коже? Накажешь нас, о муж? Хорошенько нас отлупишь?

– Не обращай на нее внимания, – сказала Коко.

Жар залил мне лицо и шею. Я сжал веревку. Да, я просто перестану замечать ее. Я смогу. Она хочет вывести меня из себя, но желаемого не получит.

Несколько минут стояла тишина, а затем...

– Нам нужно облегчиться, – заявила Николина.

– Нет, – нахмурился я и покачал головой.

– Может, за деревьями? – продолжила она, словно не услышав меня. – Они получают по заслугам, эти грязные, мерзкие деревья. А может, им даже это понравится. – Она подскочила на ноги и хихикнула над своей вульгарной шуткой.

Я раздраженно дернул Николину за веревку.

– Нет, я сказал.

– Нет?

В ее голосе, в голосе Лу, слышалось удивление, фальшивое и неискреннее, словно она ожидала другого ответа. Меня пронзила боль и охватила ярость.

– Хочешь, чтобы мы помочились себе на ноги? Твоя собственная жена?

– Ты мне не жена.

Меня захлестнуло волной сожаления. Какие знакомые слова. Старые воспоминания. Кольцо, которое я когда-то подарил Лу, то самое, золотое с перламутровым камнем, теперь будто булыжником лежало у меня в кармане. Я носил его с собой после происшествия в «Левиафане» и хотел отдать ей.

Надеть кольцо обратно Лу на пальчик, где ему и положено быть. Именно так я бы и сделал у Лё-Меланколик. Женился бы на ней прямо там, на берегу моря. Так же, как и в прошлый раз, но сейчас уже по-настоящему.

Николина по-кошачьи ухмыльнулась.

– Да, мы тебе не жена. Но... кто же мы тогда для тебя? – Молчание. Она наклонилась ко мне и потерлась носом о мой нос. Я отпрянул назад. – Знаешь, она ведь боролась, – выдохнула Николина, все еще ухмыляясь.

Я замер. Мое тело застыло. Застыло все мое существо.

– Выкрикивала твое имя. Слышал бы ты ее в те последние мгновения. Она была в ужасе. Как же это было восхитительно. Мы наслаждались ее смертью.

Ложь. Лу все еще жива. И мы освободим ее.

– Она не слышит тебя, милый. – Николина сжала губки в приторно-сладкой улыбке, будто сочувственно, и я понял, что произнес свои мысли вслух. – У мертвых нет ушей. Она не услышит твоего плача и не увидит твоих слез.

– Хватит! – резко оборвала ее Коко. Я видел, как она пыталась вырвать веревку из моей хватки, но никаких движений не чувствовал. И все так же крепко сжимал кулак. Кровь стучала в ушах. – Заткнись, Николина.

«Знаешь, она ведь боролась».

Николина по-ребячески захихикала и пожала плечами.

– Хорошо.

«Выкрикивала твое имя».

Я сделал глубокий вдох. Через нос. Выдохнул через рот. Снова и снова. Еще раз и еще.

«Слышал бы ты ее в те последние мгновения. Она была в ужасе».

Я должен был быть рядом.

«Это твоя вина. Твоя, твоя, твоя».

В эту минуту появились Бо и Селия, а Коко наконец вырвала у меня веревку. Увидев, что они снова пришли с пустыми руками, она рывкнула:

– Ничего? Снова?

Селия беспомощно пожала плечами. Бо лишь вяло поднял руки.

– А что ты нам предлагаешь делать, Козетта? Самим высрать эти жемчужины? Мы все-таки не устрицы.

– Устрицы не высирают жемчуг. – Она сердито раздула ноздри. – Тупой ты кусок...

– Дерьма? – услужливо подсказала Николина.

Коко закрыла глаза, сделала глубокий вдох и посмотрела на небо. Дым все еще скрывал солнце, но, судя по всему, уже наступил вечер.

– До следующей деревни примерно два часа. Она последняя на пути к Лё-Меланколик. – Помрачнев, Коко посмотрела на меня. Я кивнул, стиснув зубы. – Мы с Ридом тоже поищем.

– Что? – Бо посмотрел на нас, не веря своим ушам. – Мы с Селией вполне можем...

– Не сомневаюсь, – оборвала она его. – Но сейчас не время меряться членами. Нам нужно найти жемчужины. И это наша последняя возможность.

– Но... – Селия наклонилась и заморгала. – Но ведь Николина...

Коко вскинула кулак, на который намотала веревку. Николине пришлось подойти к ней ближе. Коко посмотрела ей прямо в глаза. В каждом ее слове звучала угроза.

– Николина будет хорошо себя вести. Николина же не хочет умереть, а сейчас у нее лицо самой скандально известной ведьмы во всей Бельтерре. – Коко притянула ее ближе. Николина перестала ухмыляться. – И если она устроит сцену, если хоть слегка переступит грань, ее сожгут на костре прямо в Аншуа. Николина ведь это понимает, да?

– Вы не позволите нам сгореть на костре, – усмехнулась Николина.

– Возможно, мы просто не сможем тебя спасти.

Николина сердито на нее посмотрела, но ничего не сказала. Я снова потянулся за веревкой, но Коко покачала головой и шагнула вперед.

– Ты ей лучшей надавать не можешь, а я могу. Лу была бы только за.

* * *

Деревня Аншуа могла похвастаться тремя грязными улоч-

ками. Одна вела к причалу, где на черной воде покачивались десятки рыбацких лодок. На другой улице расположились ветхие домишки, а на третьей растянулся рынок, уставленный тележками и прилавками с рыбой. Солнце уже село, но свет от каминов в домах плясал на лицах торговцев, продававших свой товар. Покупатели рука об руку скользили меж рядов, окликая друзей и родных. Одни несли в руках свертки в коричневой бумаге. У других на шее висели ожерелья из морских ракушек. В волосах озорных детишек поблескивали кусочки агата. Рыбаки, скрючившись, сидели на пляже по двое или по трое и потягивали эль. Ворчали на своих жен и внуков, жаловались на колени.

Коко всматривалась в рынок, пытаясь разглядеть что-нибудь в толпе. К своей руке она привязала запястье Николины. Рукава их плащей скрывали волдыри и кровь.

– Разделимся. Так больше обойдем.

Я оттащил Селию от тележки с кристаллами для гадания.

– Хорошо. Вы вдвоем идите на пристань и поспрашивайте там о черных жемчужинах, а мы поищем на рынке.

В глазах Селии мелькнуло восхищение, когда она увидела, как юноша вытащил из кармана грубо вырезанную флейту и начал играть серенаду. Несколько девушек поблизости захихикали. Одна, самая смелая, даже решила станцевать.

– Да, давайте так и сделаем. – Селия нетерпеливо кивнула. Коко с сомнением оглядела нас.

– Селия, а вы с Бо до этого так и искали жемчужины, гла-

зея по сторонам?

Бо фыркнул и возмущенно покачал головой.

Я решительно подхватил Селию под локоть.

– Если жемчужины здесь, мы найдем их.

Коко, казалось, колебалась. Она теребила медальон. В конце концов, смягчившись, она поправила капюшон.

– Ладно. Только занимайтесь делом, а не предавайтесь воспоминаниям. – Она ткнула пальцем мне в нос. – И не вздумайте где-нибудь уединиться. Руки держать на виду. – Кивнув Бо и Николине, она ушла вместе с ними прочь.

Селия и я пристыженно молчали. Уши у меня горели, а щеки Селии стали пунцовыми.

– Ну спасибо, Козетта, – горько проворчал я. – Я с трудом разжал зубы, сделал глубокий вдох, принял благонравный вид и повел Селию по улице. Торговец погромел нам костями для гадания, которые вырезал из рыбьих скелетов, но я не остановился. – Ты ее не слушай. Сейчас... ей тяжело.

– Кажется, я ей не нравлюсь. – Селия не отважилась посмотреть мне в глаза.

– Ей никто не нравится, кроме Лу.

– Вот как. – На долю секунды на кукольном личике Селии промелькнула обида, но затем она растянула губы в вежливой улыбке и расправила плечи. Она всегда вела себя как леди. – Наверное, ты прав. – Селия заметила ветхую кондитерскую и улыбнулась вновь, теперь уже искренне. – Рид, смотри! – Она указала на окно, где стояли банки с калиссона-

ми⁵. – Это же твои любимые! Мы просто обязаны их купить!

Она похлопала по кожаной сумке, которую я перекинул через плечо и повесил рядом со своей сумой. Селия потянула меня к розовой двери кондитерской. Я не двинулся с места.

– Мы пришли за черными жемчужинами, а не за конфетами.

– Это всего лишь пара минут. – Она тянула меня за руки.

– Нет, Селия.

Казалось, выговор от Коко молнией рассек землю между нами. Селия отпустила меня. Ее щеки снова порозовели.

– Хорошо. Веди.

Прошло лишь две минуты, и Селия вновь остановилась. Позабыв о гневe, она посмотрела на мужчин, сгрудившихся вокруг бочки.

– Что они делают? – спросила она, глядя широко распахнутыми, по-детски любопытными глазами.

Проходя мимо, я заглянул им через плечо. На бочке лежала горсть грязных бронзовых крон и пара деревянных игральнх костей.

– Играют в азартные игры.

– О-о. – Селия вытянула шею, чтобы посмотреть.

Один из мужчин подмигнул ей и жестом пригласил подойти ближе. Я закатил глаза. Тоже мне замаскировалась. Селия же, не обращая внимания, похлопала по сумке.

– Я бы попробовала сыграть. Дай мне сумку, пожалуйста.

⁵ Традиционные прованские сладости.

– Ни за что, – фыркнул я и пошел дальше.

Из ее горла вырвалось какое-то возмущенное бульканье.

– Прошу прощения?

Я был едва знаком с Виолеттой и Викторией, но сейчас мне показалось, что именно так себя ощущают старшие братья. Они чувствуют раздражение, досаду и вместе с тем – любовь.

– Рид.

Я не обратил на Селию внимания.

– Рид!

Теперь она уже топнула ногой. Когда я не обернулся и не откликнулся на ее бессмысленную просьбу, Селия метнулась ко мне и вцепилась в сумку обеими руками, шипя как кошка. Даже поцарапала ее немного.

– Сейчас же отдай. Это... ты... это моя сумка! Не тебе распоряжаться ею и не тебе распоряжаться мной! Если я хочу сыграть, я сыграю, а ты...

Наконец я развернулся, и Селия вместе со мной. Она пошатнулась, но я удержал ее. Она смахнула мою руку с совершенно неэлегантным рычанием.

– Отдай мою сумку!

– Ладно. Бери. – Я бросил сумку Селии, но она выскользнула у той из рук. Монеты и украшения высыпались на снег. Выругавшись, я опустился на колени и закрыл золото от глаз игроков. – Но ты обещала нам помочь. Нам нужны твои деньги, чтобы купить жемчуг.

– Я-то прекрасно знаю, что вам нужна моя помощь. – Селия тоже опустилась на колени, чтобы собрать рассыпавшиеся сокровища. В глазах ее блестели злые слезы. – Может, это тебе стоило бы вспомнить об этом.

Я многозначительно посмотрел на заинтересованных прохожих. Поспешно схватил Селию за руки, она попыталась вырваться, но...

Я резко выпрямился, ощутив в руках знакомое стекло. Холодная продолговатая трубочка. Я начал доставать ее. Селия вцепилась ногтями мне в пальцы.

– Стой! – крикнула она.

Поздно.

Я уставился на шприц.

– Это что?

Но я знал, что это. Мы оба знали. Селия стояла совершенно неподвижно, сцепив руки. Она не моргала и не дышала. Я ее не винил. Если она пошевелится, ее слезливая маска может треснуть, и правда выльется наружу.

– Откуда он у тебя? – жестко спросил я.

– Жан дал его мне, – прошептала Селия, немного поколебавшись, – когда я сказала, что ухожу.

– Когда сказала, что пойдешь искать нас.

– Да. – Селия не стала возражать.

– Ты намеревалась его использовать? – Я посмотрел ей в глаза.

– Что? – Голос Селии дрогнул. Она схватила меня за пле-

что, не обращая внимания на Бо и Коко, идущих в толпе. Они еще не заметили нас. – Рид, я бы ни за что...

– Ты плачешь.

Она поспешно утерла лицо.

– Ты же знаешь, что я всегда плачу, когда огорчена...

– А почему ты огорчена, Селия? Думала, что потеряла его? – Я сжал шприц в руке. Однако болиголов не грел мне ладонь. Священники называют его цветком дьявола. Он вырос на склоне холма, на котором был распят Иисус. Когда его кровь окропила лепестки, цветок стал ядовитым. – Но ведь если бы и потеряла, это было бы неважно. Ты же не собиралась его использовать.

– Рид. – Селия провела по моей руке, ближе к ладони. Она все еще желала заполучить шприц обратно. – Это просто предосторожность. Я не собиралась использовать его на тебе... или на ком-либо другом. Поверь мне.

– Я верю.

И я не лгал. Я верил, что Селия *не собиралась* применять болиголов. Однако если бы наша встреча прошла неудачно, она бы мешкать не стала. Она взяла с собой шприц, спрятала его, а значит, была готова причинить нам вред.

– Ты же знаешь, что это яд, да? Самый обыкновенный яд. Ведьма ты или нет, неважно. Эта отравка вырубит тебя быстрее, чем меня. И Жан-Люка тоже. И короля. Вообще любого.

Селия растерянно моргнула. Мои подозрения подтвердились. Она-то думала, что это какое-то уникальное оружие

против ведьм. Я покачал головой.

– Твою мать, Селия. Ты и правда так боишься нас? Боишься меня?

Она вздрогнула, услышав ругательство, и покраснела. Но вовсе не от смущения, а от гнева. Селия вскинула подбородок. Голос ее больше не дрожал.

– И ты еще спрашиваешь? Конечно, я боюсь вас. Ведьма убила Филиппу. Ведьма заперла меня в гробу с ее останками. Я закрываю глаза и чувствую, как ее плоть касается меня, Рид. Я чувствую ее запах. Запах моей сестры. Теперь я боюсь всего – темноты, снов. Боюсь засыпать и просыпаться. Да я даже дышать боюсь. Я в ловушке нескончаемого кошмара.

Мой гнев рассеялся. Превратился в нечто, похожее на стыд.

– Так что да, – яростно продолжала Селия. Слезы текли по ее щекам. – Я взяла оружие против ведьм и спрятала его от тебя. А что мне оставалось делать? Ты теперь ведьмак, нравится мне это или нет. Ты один из них. Я пытаюсь... правда, пытаюсь, но не проси меня не защищаться. – Она глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, и посмотрела мне в глаза. – По правде говоря, у тебя нет права ни о чем просить меня. В еще одной могиле я не окажусь, Рид. Ты живешь дальше. Пора и мне.

Я хотел сказать сотню слов ей в утешение, но не стал. Селия пережила ужас, который не сгладить никакими слова-

ми. Я просто протянул ей шприц. Она тут же схватила его и оглядела. Выражение ее лица было пугающим. Не как у Лу или Коко. Не как у Габриэль, Виолетты или Виктории. А как у Селии.

– Когда я снова встречусь с Морганой, я воткну ей эту иглу в самое сердце, – пообещала она.

И я поверил.

Простая услуга

Рид

Вскоре к нам подошли Бо, Коко и Николина. Мы встали в тени заброшенной лавки, подальше от перешептываний местных жителей.

– Ну? – Коко выжидающе посмотрела на нас. – Нашли что-нибудь?

Николина захихикала, пока Селия прятала шприц в карман.

– Мы... простите. Мы с Ридом... отвлеклись.

– Отвлеклись? – Коко нахмурилась.

– Мы пока не нашли ничего, – коротко ответил я, перекидывая через плечо сумку. – Будем искать дальше.

– Воды бегут, бегут и бегут, – пропела Николина. Ее лицо скрывал капюшон плаща. – И они там под воду уйдут, уйдут и уйдут.

Коко потеряла висок.

– Балаган какой-то. В порту никто ничего не знает. Один рыбак даже швырнул в нас крюк, когда услышал о черном жемчуге. Наверное, слышал что-то о Лё-Меланколик, – вздохнула она. – Рыбаки и так-то суеверны, а мелузин боится больше всего. Не удивлюсь, если тот рыбак позовет шас-серов. К утру ими вся деревня будет кишеть.

– Он хотя бы не узнал нас. – В руках у Бо была пачка мятых плакатов о розыске.

– И к утру нас здесь не будет. – Я щелкнул пальцами, и весь мой оставшийся гнев выплеснулся на плакаты. Бо вскрикнул, когда они загорелись, и швырнул их в тележку. За пару секунд наши портреты превратились в пепел. – Лавки скоро закроются. Прочешем рынок сверху донизу.

Через час мы встретились на углу улицы. Злые, с пустыми руками.

Николина покачивалась на ветру. Прядь белых волос выбилась из-под капюшона.

– Под воду уйдут, уйдут и уйдут.

Коко хмуро вгляделась в толпу. Правда, сейчас это было трудно назвать толпой. Многие жители уже разошлись по домам. Лишь горстка людей танцевали на улице. Они пошатывались после вина, цеплялись друг за друга и хихикали. У воды стояли самые стойкие рыбаки. И самые пьяные.

– Идем. Здесь нечего делать. Завтра можно еще раз обойти округу...

– Я же сказал тебе! – Бо резко взмахнул рукой. – Мы везде искали. Нет в этих деревнях черных жемчужин.

Я тоже обыскал все ближайшие тележки. Выбеленный коралл, коряги, корзины с клубками морских водорослей, чаши с кристаллизованной морской солью, закатанные банки с анчоусами. Очень много банок с анчоусами.

Бо расстроено смахнул одну из банок на землю, и та разбилась. Испуганно вскрикнув, Селия отскочила назад. Когда масло промочило ей сапоги, Бо фыркнул. Селия пнула рыбешку ему в лицо.

Как дети малые, ей-богу.

– Хватит! – резко бросил я и в отчаянии осмотрел все еще раз. Ничего нового. Деревня не могла похвастаться жемчугом, ни черным, ни каким-либо другим.

– Прошу прощения, – хмыкнула с достоинством Селия. – Этого больше не повторится.

– Да от тебя рыбой будет еще недели две нести, – сказал Бо.

Я тяжело выдохнул через нос и посмотрел на него.

– Может, хватит уже всех провоци...

Мое внимание привлекла деревянная вывеска позади него. Знакомое имя.

«УГОЛОК ДИКОВИН МАДАМ САВАЖ
ЦЕНЫ СПРАШИВАЙТЕ».

Нахмурившись, я оттеснил Бо в сторону. Мадам Саваж. Я знал это имя. Но откуда? Сгнившая и потускневшая вывес-

ка висела между лавкой с тонкими гребнями и бочонком с рыбьим жиром. Я указал на нее.

– Ее же здесь не было, да?

Коко прищурилась и проследила за моим пальцем.

– Ничего не вижу.

– Да вот же она, смо... – Я моргнул и замолчал на полуслове. Я указывал на рыбий жир, а не на вывеску. Никакой вывески не было. Я тут же опустил руку и встряхнул головой. Снова моргнул. – Я... неважно.

– Ничего там нет, – неожиданно резко сказала Николина. Она потянула Коко за руку. – Ничего, ничего.

Коко нетерпеливо фыркнула и поплотнее укуталась в плащ.

– Если на этом все... – Но, когда она оглянулась, глаза ее широко распахнулись. – Этого... не было там раньше.

Медленно, словно загоняя в угол испуганного зверя, я посмотрел на прилавок и бочку. И снова там висела деревянная вывеска. Позади нее на повозке развевался изумрудно-зеленый и фиолетовый шелк. Как будто все время там и висел.

– Магия, – прошептала Селия.

Мы с Коко обменялись настороженными взглядами и прокрались вперед.

Я сжал нож, хотя повозка не выглядела опасной. На загроможденных полках сверкали украшения всех цветов и размеров. Настоящие украшения. С драгоценными камнями, из благородных металлов, не какие-то там рыбы ко-

сти или щупальца осьминога. Рядом стояли разнообразные пыльные бутылки. Засушенные цветы. Книги в кожаных переплетах. Сзади на выступе в стеклянной клетке дремала золотисто-малиновая змея. Селия зачарованно подошла к ней.

Я сделал глубокий вдох, тщетно пытаясь унять беспокойство.

Нет, повозка не выглядела опасной, но на средней полочке на бархатной подушке гордо лежали три черные жемчужины. Это явно не совпадение. Бо нетерпеливо метнулся к ним, но я остановил его и покачал головой, ища глазами владелицу. Эту таинственную мадам Саваж. Ее нигде не было, но к вывеске был прикреплен клочок пергамента: «ВЕРНУСЬ».

Коко двумя пальцами потрогала зеленый шелк.

– Отлично. Стало куда проще.

– Даже слишком, – сказал я и только тогда понял ее слова. – Стой, ты что, хочешь украсть их?

– Я ведь воровка, Рид. – Внезапно Коко насторожилась и посмотрела на улицу, внимательно приглядевшись. Она наблюдала за парой. Держась за руки, они прошли мимо нас, даже не обратив внимания. Я встал перед Коко и закрыл ей обзор. Она усмехнулась. – И Лу, вообще-то, тоже. Когда спасем ее, будешь отмокать в своей добродетели, пока кожа не сморщится, а сейчас... – Она проскользнула мимо меня и небрежно повела плечом. – Нам нужны эти жемчужины. Главное, чтобы наших лиц не видели. – Коко посмотрела мне за спину, и ее глаза загорелись. Она засмеялась и бросила

мне что-то. — Отлично. Плата за твое молчание.

Я поймал кожаные штаны и прижал к груди.

— Не смешно.

— Au contraire⁶. Лу не помешает посмеяться после всего пережитого. — Усмешка Коко померкла. — Ты сам призвал меня надеяться, Рид, но, если сидеть сложа руки, от надежды никакого толку не будет. Я спасу Лу во что бы то ни стало. Сделаю что угодно. А ты готов пойти на такое? Или Лу падет от меча твоих принципов?

Я гневно уставился на нее.

— Прекрасно. Так. Не двигайся. Из тебя вышел отличный щит.

Стиснув зубы, я сжал штаны и смотрел, как Коко не спеша идет к жемчужинам. Николина дернулась и хотела смахнуть их локтем, но я перехватил веревку и ловко отвязал ее от Коко, а потом обмотал ее вокруг своего запястья. Коко оглянулась на меня, и я кивнул ей. Мы поступали плохо, но и Лу было плохо. Всему миру было плохо. После Лё-Меланколик я отдам мадам Саваж плату с процентами. Найду десять жемчужин взамен этих трех...

Стоп.

Их только три?

— Нас же пятеро, — сказал я.

— Это не проблема.

Сердце у меня ушло в пятки. Я обернулся на незнакомый

⁶ Напротив (*фр.*).

голос. Коко замерла, не успев взять жемчужины. Пожилая сутулая женщина обошла повозку. Лицо ее было изборождено глубокими морщинами. Седые волосы покрывал шарф оливкового цвета. В ушах, на пальцах рук и даже пальцах голых ног у нее были многочисленные кольца. По земле волочился изумрудно-зеленый плащ. Она ухмыльнулась, обнажив кривые зубы.

– Люди не могут войти в Лё-Меланколик. Воды сведут их с ума.

Николина зашипела под капюшоном и вжалась в меня.

Я внимательно посмотрел на женщину.

– Мы... где-то виделись, мадам?

– Возможно. С другой стороны, возможно, и нет. Боюсь, у меня просто такое лицо. *Le visage de beaucoup, le visage d'aucun.* Лицо, что можно видеть всюду...

– ...Но вот запомнить – никогда, – закончил я старую поговорку. – Но...

Она понимающе улыбнулась.

– Здравствуйте, дорогие мои. Добро пожаловать в мою лавку диковин. Чем я могу вам помочь?

И тут меня осенило. Передо мной замелькали разные полки, каждая словно рана в воспоминаниях: танцующие крысы и жуки в стекле, острые зубы и крылья бабочек. Уродливая марионетка, перламутровое кольцо и... старуха.

Старуха, которая знала больше, чем ей следовало.

«Может быть, желаете приобрести каллы? Говорят, они

воплощают собой покорность и преданность. Эти цветы прекрасно подходят для примирения между возлюбленными».

Незажившие проколы. Все еще кровоточащие.

– Мадам Саваж, – сказал я, скривив губы.

Она ласково улыбнулась.

– Здравствуй, Рид. Рада снова видеть тебя. – Ее улыбка померкла, когда она посмотрела на Николину, чье лицо скрывал капюшон. – О боже, – захихикала женщина. – Я бы поприветствовала нашу прекрасную Луизу, но кажется, в ней сейчас кто-то другой... – Она резко замолчала и наклонила голову. – Так-так-так... похоже, это кто-то могущественный и... многочисленный. – Она снова широко улыбнулась и хлопнула в ладоши. – Луиза ле Блан, благословленная и проклятая одновременно. Как интригующе.

«Многочисленный», нахмурился я. Она, конечно, говорила о Николине, но почему «благословленная»?

– Тебе ли не знать, – прорычала Николина немного боязливо. – О да, ты бы поняла...

– Так-так. – Мадам Саваж погрозила ей пальцем, и Николина умолкла. Казалось, она приросла к земле. – Хватит, Никола. В моей повозке мы не проливаем кровь и не рассказываем тайн. Стой смирно и смотри.

– Откуда вы?.. – начал я.

– Так вы знакомы? – перебила меня сбитая с толку Селия.

Мадам Саваж подмигнула, что совершенно не шло ее морщинистому лицу.

– Полагаю, можно и так сказать. В последнюю нашу встречу из-за их ссоры у меня окна едва не треснули. – Она приняла безразличный вид, но в ее темных глазах сверкало любопытство. – Надеюсь, наши голубки помирились.

Изумленный и растерянный, я швырнул штаны на ближайшую полку.

– Не ваше дело.

Она хмыкнула, но озорной улыбки не смахнула. Затем перевела взгляд на Селию, потом на Бо и Коко, стоявших у змеи.

– И все же... Кажется, тебе снова нужна помощь.

– Сколько стоят жемчужины? – спросила Коко.

– Жемчужины, – мягко повторила мадам Саваж. Выглядела она весьма бодро. – Дорогая, они практически бесценны. Что ты готова предложить за них?

Все что угодно.

Николина не шевелилась.

– У нас есть кроны, – выпалил я. – Много крон.

– О боже, – снова захихикала мадам Саваж и покачала головой. – О боже, боже, боже. Так не пойдет. Я не мараю руки деньгами.

На лице Коко промелькнуло удивление.

– Тогда чего вы хотите? – спросила она.

– Явно ничего хорошего, – проворчал Бо.

Мадам Саваж расплылась в улыбке.

– О нет, ваше высочество, вы не правы! Не бойтесь, ниче-

го гнусного мне не нужно. Видите ли, мне требуются лишь простые услуги. Мелочи, в самом деле. Пустяки.

– Услуга никогда не бывает простой, – хмуро сказал я.

– Какая услуга? – спросила Коко встревоженно и нетерпеливо. – Скажите нам, и мы сделаем.

– Конечно, конечно. – Улыбка мадам Саваж стала бы еще шире, будь это возможно. – Все просто. Одна услуга – одна жемчужина. Приношу свои извинения, – добавила она и склонила голову, посмотрев на Бо и Селию, – но Лё-Меланколик – не место для людей. Там темно и опасно, дорогие мои. В его глубинах скрывается нечто большее, чем просто чудовища.

– И что нам тогда делать? – недоверчиво хмыкнул Бо. – По пляжу там погулять?

– Откуда вы столько знаете о Лё-Меланколик? – одновременно с ним спросила Коко.

– Расскажите про услуги, – громко сказал я, чтобы перекричать их.

Да, эта странная повозка возникла из ниоткуда, а эта странная женщина, кажется, знала о наших намерениях и знала Николину. По правде говоря, она казалась больше... любопытной, нежели гнусной, да и какой у нас был выбор? Нам нужны жемчужины. Ее жемчужины. Раздобудем их, а с последствиями потом разберемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.